

VOL. 2
TOM 2

2009
2009

**JOURNAL OF MODERN
RUSSIAN HISTORY
AND
HISTORIOGRAPHY**

Charles Schlacks, Publisher
Idyllwild, California, USA

JOURNAL OF MODERN RUSSIAN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Editors

SEMION LYANDRES

University of Notre Dame

slyandre@nd.edu

and

GARY M. HAMBURG

Claremont McKenna College

gary.hamburg@claremontmckenna.edu

The JOURNAL OF MODERN RUSSIAN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY is published annually. Subscription rates are: Institutions – \$30.00; individuals – \$20.00. USA postage is \$3.00; Canadian postage is \$6.00; foreign postage is \$13.00. Send payment to: Charles Schlacks, Publisher, P.O. Box 1256, Idyllwild, CA 92549-1256.

Email: Schlacks.Slavic@Greencafe.com

Manuscripts submitted for possible publication should be sent to the editors. Manuscripts accepted for publication should be prepared as email attachments or on CDs compatible with Windows XP and Word 2003.

Copyright © 2009 by Charles Schlacks, Publisher

All rights reserved

Printed in the United States of America

ISSN: 1947-9956

JOURNAL OF MODERN RUSSIAN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TABLE OF CONTENTS/ОГЛАВЛЕНИЕ

Note on Authors

vii

ARTICLES/СТАТЬИ

Thoughts on the Enlightenment and Enlightenment in Russia
Elise Kimerling Wirtschafter

1

*Германия и немцы в представлениях российской правдой,
июль 1914-февраль 1917 г.*
М. Н. Лукьянов

27

*“Борьба за автономию”: корпорация столичного
университета и власть в 1905-1914 гг.*
Е. А. Ростовцев

75

REVIEWS/РЕЦЕНЗИИ

*Subjectively Stalinist?: Orlando Figes' The Whisperers in
Historiographical Context*
Mike Westrate and Maria Rogacheva

123

И снова Милуков . . .
П. А. Трибунский

143

E. A. РОСТОВЦЕВ (St. Petersburg, Russian Federation)

“БОРЬБА ЗА АВТОНОМИЮ”: КОРПОРАЦИЯ СТОЛИЧНОГО УНИВЕРСИТЕТА И ВЛАСТЬ В 1905-1914 ГГ.

Общепризнанно, что “университетский вопрос” имел в русском обществе значение, далеко выходящее за рамки высшей школы, а проблема автономии университетов была органично связана с движением либеральной оппозиции и “освободительного движения” в целом.¹ Отсюда внимание историков к борьбе профессоров и “общества” за принятие нового университетского устава, который должен был сменить “реакционный” устав 1884 г.² Парадоксально, но политика ведущих профессорских коллегий, которые выступа-

---

1. См., напр.: А. Р. Марков, *Что значит быть студентом?* (Москва: Новое литературное обозрение, 2005), с. 57-68; А. Е. Иванов, “Университетская политика самодержавия в конце XIX-нач. XX в.”, в *Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР*, под ред д.и.н. проф. Н. П. Ерошкина (Москва: Московский государственный историко-архивный институт, 1979), с. 148-69; Ю. С. Воробьева, *Общественность и высшая школа в России в начале XX века* (Москва: Типография Росархива, 1994), с. 10-49; В. П. Яковлев, *Политика русского самодержавия в университетском вопросе. Автореф. дисс. к.и.н.* (Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1971); S. D. Kassow, *Students, Professors and the State in Tsarist Russia* (Berkeley: Univ. of California Press, 1989), pp. 214-19; *Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*, ed. E. W. Clowes, S. D. Kassow, J. L. West (Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1991); D. Wartenweiler, *Civil society and academic debate in Russia. 1905-1914* (Oxford: Oxford Univ. Press, 1999), и др.

2. О законодательной и законотворческой деятельности власти в университетском вопросе см.: А. Е. Иванов, *Высшая школа России в конце XIX-начале XX века* (Москва: Институт истории СССР, 1991), с. 172-81; Он же, “Университетская политика самодержавия в конце XIX-начале XX в. . . .”, с. 148-69; Ю. С. Воробьева, *Указ. соч.* с. 17-29; А. Н. Дмитриев, “Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества,” в *Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны*, под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайтус (Санкт-Петербург: Нестор – История, 2007), с. 236-55; A. Dmitriev, “State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War,” *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg*, hrsg. von T. Maurer (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006), S. 149-52.

ли в качестве основных участников борьбы за автономию, и во многом определяли направление тех процессов, которые проходили в высшей школе, оставалась в тени. Причина такого положения в том, что долгое время основное внимание в литературе по истории конкретных университетов (в том числе Петербургского)³ уде-

3. Из библиографии см.: Л. Д. Шехурина, "История Санкт-Петербургского Ленинградского университета: библиографические заметки", в *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета*, под ред. Г. А. Тишкина (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998), вып. VII, с. 195-211; Н. А. Шевченко, "Юбилейная универсиада. 1998-1999," в *Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы*, науч. ред. Л. А. Вербицкая, сост. Г. А. Тишкин (Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003), с. 509-34. Из очерков историографии вопроса см.: М. В. Борисенко, "Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907-феврале 1917 г. (историография вопроса)," в *Очерки по истории Ленинградского университета*, отв. ред. Г. А. Тишкин (Ленинград: Издательство ЛГУ, 1984), т. 5, с. 136-50; О. А. Вахтерова, *Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX-начале XX века. Автореф. дисс. к.и.н.* (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998). Из работ наиболее существенными, на наш взгляд, можно считать следующие труды: М. В. Борисенко, *Студенчество Петербурга в 1907-1914 гг. Автореф. дисс. к.и.н.* (Ленинград: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1984); Н. Г. Завадский, *Революционное студенчество Петербурга в 1907-1914: Проблемы взаимоотношений с политическими партиями России. Автореф. дисс. к.и.н.* (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1991); Н. Я. Олесич, *В. И. Ленин и революционное студенчество России* (Москва: Политиздат, 1982); *Петербургский университет и революционное движение в России*, отв. ред. Н. Г. Сладкевич (Ленинград: Издательство ЛГУ, 1979); Н. И. Рогозин, *Политическая борьба за молодежь России. 1903-1917* (Москва: Прометей, 1989); В. Г. Савельева, В. П. Яковлев, "Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете", *Вестник ЛГУ*, № 8 (1979), История, языкознание, литература, вып. 2, с. 168-74; Они же, "Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет", *Вестник ЛГУ*, № 2 (1983), История, языкознание, литература, вып. 1, с. 14-19; В. П. Яковлев, "Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907-1911)," *Вестник ЛГУ*, № 8 (1972), История, языкознание, литература, вып. 2, с. 42-50; Он же, "Политика царского правительства в университетском вопросе (1905-1910)," *Вестник ЛГУ*, № 2 (1969), вып. 1, с. 157-64; З. С. Круглова, "Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва)," *Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина*, № 229 (1964) (*Материалы и исследования по истории СССР*), с. 182-206; В. М. Кручковская, "Политические настроения российского студенчества: 1905-1917 гг.," в *Интеллигенция и российское общество в начале XX века* (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский филиал Института российской истории, 1996), с. 98-113; S. K. Morrissey, *Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism* (New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1991), и др.

лялось истории революционной борьбы в их стенах и правительственным мерам, направленным на подавление политической крамолы. Характерно, что важнейшим источникам в таких реконструкциях служили мемуары деятелей революционного студенческого движения, изданные уже в советское время (и согласующие свои представления с идеологией эпохи),⁴ а также обширный комплекс архивных материалов, связанный с той же проблематикой. Показательно, что в многочисленной литературе практически не использовался такой ценный источник, как “Журналы (Протоколы) заседаний университетского Совета”,⁵ который как раз во многом помогает понять позицию профессуры. В настоящей статье попытаемся в определенной степени преодолеть этот своеобразный “взгляд из туннеля”, сложившийся в традиционной историографии. Для решения поставленной задачи необходимо реконструировать систему отношений университетской корпорации и власти, роль в этих отношениях студенчества и политических сил и, наконец, попытаться определить, как менялась стратегия профессорской коллегии в эту бурную эпоху.

“Автономия” и “революция”

Прежде всего, необходимо поставить вопрос о том, какой была автономия российских университетов в период 1905-1914 гг. С формально-юридической точки зрения автономия университетов Империи, как и других государственных высших учебных заведений, носила весьма ограниченный характер, основываясь на Университетском уставе 1884 г.⁶ и Временных Правилах 27 августа 1905 г.⁷ Внутри университетской корпорации основным органом принятия решений был Профессорский (университетский) совет, который обладал правом свободного выбора членов университет-

4. См., прежде всего: *Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт.*, т. 2: *Петербургский-Ленинградский университет. 1895-1917*, под ред. В. В. Мавродина (Ленинград: Издательство ЛГУ, 1982).

5. *Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905-1914 гг.* (Санкт-Петербург [Петроград]: Типография Б. М. Вольфа, 1906-1916).

6. Устав Императорских Российских университетов 1884 г., *Сборник постановлений министерства народного Просвещения* (Санкт-Петербург: Типография Товарищества “Общественная польза”, 1893), т. IX: *Царствование императора Александра III. 1884 год*, с. 985-1026.

7. О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения, *Полное собрание законов Российской империи [ПСЗ]*, Собр. III (Санкт-Петербург: Государственная типография, 1908), т. XXV, Отделение I, № 26692, с. 658-59.

ской корпорации (профессора, приват-доцента, а после выхода “Временных правил” также ректора, проректора, декана), однако Министерство народного просвещения (МНП) было вправе не утвердить выбор университета, заместить по своему усмотрению любую университетскую магистратуру, навязать свои решения университету. Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись ее подавляющему большинству скорее как общественные, чем государственные организации.⁸ Задача университетов виделась не столько в решении утилитарных запросов государства и общества, сколько в “просвещении” граждан, вмешательство государства в университетскую жизнь представлялось излишним и даже недопустимым.

Столичный университет занимал традиционно второе место среди университетов империи по количеству студентов (на начало века примерно 20% от всех студентов университетов), уступая только Московскому (главным образом, по причине отсутствия в Петербурге популярного медицинского факультета). Революция 1905-1907 гг., открыв двери университетов для новых социальных категорий и санкционировав введение предметной системы (увеличивавшей средний срок студента в университете), примерно на 80% увеличила количество студентов русских университетов. При этом рост числа студентов столичного университета составил примерно 115% (достигнув 9630 человек), что позволило ему на ко-

---

8. Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательных изменениях в устройстве российских университетов (Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1902); Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений (Санкт-Петербург, 1903), вып. 1-5; Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов (Санкт-Петербург, 1906); Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованного при Министерстве народного просвещения под председательством министра графа И. И. Толстого в январе 1906 г. (Санкт-Петербург: Типография А. М. Менделевича, 1906); Д. И. Менделеев, *Заветные мысли Д. Менделеева* (Санкт-Петербург: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1903-1905); И. М. Гревс, “Временные правила 27 августа 1906 г. об управлении университетами и освобождении науки,” *Право*, 1 сентября 1905, стлб. 2933-38; В. И. Сергеевич, *Реформа университетского преподавания* (Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1908); *Кризис высшей школы* (Москва: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и Ко, 1911); В. И. Вернадский, “Об основах университетской реформы,” в В. И. Вернадский, *О науке* (Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского Гуманитарного института, 2002), т. II: *Научная деятельность и научное образование*, с. 115-43; Д. И. Багалей, *Экономическое положение русских университетов* (Санкт-Петербург: Типография товарищества “Общественная польза,” 1914), и др.

роткий период обогнать по числу студентов Московский университет. Однако после восстановления нормы, предполагавшей поступление университет студентов соответствующего учебного округа, положение восстановилось, и Московский университет вновь занял лидирующее место среди университетов империи.⁹ По той же причине отсутствия медицинского факультета столичный университет занимал традиционно второе место и по числу преподавателей, однако, как и в других университетах, оно неуклонно росло: с 1905 по 1915 г. учебный персонал увеличился с 261 до 360 человек.¹⁰ Так же как и в других университетах, этот рост достигался за счет увеличения числа т. н. “младших преподавателей” (прежде всего, приват-доцентов), поскольку университетские штаты 1884 г., определявшие число профессоров, оставались неизменными (число штатных профессоров колебалось около 45, которые вместе с отставными (внештатными) и несколькими сверхштатными профессорами составляли Профессорский совет со стабильной численностью в 70-80 человек). Таким образом, с увеличением числа студентов именно на приват-доцентов ложился основной объем учебной работы, при том что не только власть в университете, но твердые гарантии материального обеспечения оставались исключительно за членами Профессорского совета. Такое положение дел, разделяющее преподавателей на два сорта, породило с начала XX в. почти открытое противостояние между “старшими” и “младшими” в большинстве российских университетов. Особую силу это противостояние имело в Московском университете, Совет которого, несмотря на требования младших преподавателей, решительно отказался от предоставления им права решающего голоса в университетской корпорации.¹¹ В Петербургском универси-

9. М. И. Матвеев, “Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов”, в *Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия: Сборник статей*, отв. ред. М. И. Матвеев (Тамбов: Б.и., 1981), Вклейка. Таблица 8: Распределение студентам Петербургского университета по сословия и группам населения; Таблица 4. Распределение студентов по факультетам.

10. Е. А. Ростовцев, “Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу,” в *“Быть русским по духу и европейцем по образованию”: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-начала XX в.*, отв. сост. А. Ю. Андреев (Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009), с. 140-41.

11. См.: Журнал заседания Совета Московского университета. 2 января 1906 г., Центральный исторический архив Москвы [ЦИАМ], ф. 418 [Московский университет], оп. 249, д. 97, л. 1-2; Проект университетского устава, выработанный Советом Императорского Московского университета, там же, л. 20-27;

тете противоречия между “старшими” и “младшими” тоже были, однако такого резкого противостояния, как, например, в Москве, здесь не произошло благодаря, по меньшей мере, двум обстоятельствам. Во-первых, состав “приват-доцентской” корпорации здесь был слишком представительен. Многие ее члены имели ученую степень доктора (при том что она отсутствовала у ряда профессоров), многие были действительными членами высшего учебного учреждения страны – Академии наук, – поэтому отношение к ним как к “младшим товарищам” для Совета было во всех смыслах затруднительным; а с другой стороны, у таких “младших преподавателей”, часто в карьерном отношении состоявшихся и достойно материально обеспеченных, не было необходимости для конфронтации со “старшими”. Во-вторых, в среде “младших преподавателей” доминировали либеральные политические настроения, близкие либеральному большинству Совета. Характерно, что при обсуждении будущего университетского устройства “младшим преподавателям” удалось фактически связать проблему расширения собственных академических прав с общей программой либерализации высшей школы.¹² В результате длительных дискуссий в декабре 1905 г. большинством голосов Профессорский совет признал желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Профессорском совете,¹³ хотя практического применения эта норма так и не нашла (новый университетский устав так и не был принят).

Как показано в литературе, во всех российских университетах преобладала либеральная профессура, ориентированная на кадетскую партию. Известным исключением были Киевский университет (св. Владимира), а также после правительственного “разгрома” 1908 г. Одесский (Новороссийский), где преобладали “консерваторы”. Значительные по влиянию группы “консервативных” профессоров были также в Юрьевском и Казанском университетах.¹⁴ Не-

---

Г. Зацепя, *Пасынки университета. Материалы о положении в университете младших преподавателей* (Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907); Н. Кольцов, *К университетскому вопросу* (Москва: Типография Русского товарищества, 1909).

12. См., напр.: [Обращение общего собрания младших преподавателей С.-Петербургского университета 18 октября 1905 г.], *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.* (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1906), с. 170-71.

13. Журнал заседания СПб Университета. 21 декабря 1905 г., там же, с. 224.

14. А. Е. Иванов, “Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX-начала XX в.,” *История СССР*, № 5 (1990), с. 71-72.

сомненными центрами университетского либерализма были Московский и Петербургский университеты. Профессора этих университетов в большинстве своем подписали (или впоследствии присоединились) к известной “Записке 342” о нуждах просвещения, декларировавшей либеральные принципы, в том числе идея “академической свободы”, которая, по словам авторов “Записки”, “несовместима с современным государственным строем России”, и приняли самое активное участие в деятельности Академического Союза, созданного в марте 1905 г. по инициативе “Союза освобождения”,¹⁵ идейной платформой которого стала как раз “Записка 342-х”. “Академический союз” в литературе обоснованно называют организационным предшественником кадетской партии.¹⁶ Он так же, как известно, был одной из важных организаций “Союза союзов”, созданного в мае 1905 г. и явившегося одним из главных “локомотивов” революции.¹⁷

Впрочем, следует учитывать, что в руководстве сформированной в октябре 1905 г. кадетской партии большее влияние, нежели петербургские профессора, несомненно, имели москвичи (в том числе ректор А. А. Мануйлов, профессора В. И. Вернадский, С. А. Муромцев, С. А. Котляревский, А. А. Кизеветтер, П. И. Новгородцев и др.), что неудивительно, если иметь в виду традиционное положение Московского университета как центра российского “освободительного движения”. Среди активных деятелей партии “народной свободы” мы можем найти не так уж много членов Совета столичного университета – в их числе член ЦК Л. И. Петражицкий и председатель Петербургского комитета Н. И. Кареев. С 1910 г., став из приват-доцентов профессором, в ряды членов ЦК кадетов вошел В. М. Гессен; впоследствии членами ЦК стали также профессора Д. Д. Гримм, А. А. Шахматов. Менее “активными” членами партии также в разное время были Э. Д. Гримм, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Зелинский, Ф. А.

15. Там же, с. 66.

16. А. Е. Иванов, “В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы,” в *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е-начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquium* (Санкт-Петербург: Издательство “Дмитрий Буланин”, 2003), с. 202-12. По подсчетам В. В. Шелохаева, 22 (40,7%) члена первого ЦК кадетской партии представляли высшую школу (В. В. Шелохаев, *Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг.* [Москва: Наука, 1983], с. 310-20).

17. См., напр.: В. Р. Лейкина-Свирская, *Русская интеллигенция в 1900-1917 годах* (Москва: Мысль, 1981), с. 220-45; Л. К. Ерман, *Интеллигенция в первой русской революции* (Москва: Наука, 1966), с. 86-102.

Браун, М. И. Ростовцев, В. В. Бартольд, М. Я. Пергамент, И. А. Покровский и некоторые другие профессора.¹⁸ Большинство же “левой” скорее можно отнести к группе “сочувствующих”, но партийной дисциплиной не связанных. Поэтому Совет Петербургского университета, будучи безусловно оппозиционным власти, в то же время был более “беспартиен”, чем Совет Московского университета.

Характеризуя обстановку, сложившуюся к 1905 г., следует отметить, что столичный университет, как и другие высшие учебные заведения Империи, уже больше года потрясали студенческие сходки, забастовки и демонстрации.¹⁹ Ведущее значение в их проведении принадлежало активистам РСДРП. В феврале 1904 г. в Петербургском университете под руководством социал-демократов был создан т. н. Коалиционный совет, включавший в себя представителей ряда леворадикальных партий и групп во главе с социал-демократами,²⁰ а в мае 1904 г. там же была создана т. н. “Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга”.²¹ Осенью 1904 г. эти организационные структуры становятся эффективными инструментами в руках Петербургского комитета РСДРП, по своему составу преимущественно большевистского – в большинстве высших учебных заведений столицы проходят антиправительственные сходки, на которых принимаются резолюции революционного характера. Наиболее масштабный характер носила сходка, собравшаяся 1 ноября 1904 г. в Петербургском университете. Сходка потребовала “полной ликвидации существующего порядка путем всенародного учредительного собрания” и выразила готовность “активно поддержать свои требования на общенародной демонстрации близкого будущего”.²² Кажется закономерным, что накануне и в начале революции Университетский совет действовал в русле установок оппозиционного движения. Совет выступал с публичными заявлениями в защиту

18. См.: *Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905-1920 гг.* В 3-х тт. (Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000).

19. См., напр: Н. И. Рогозин, *Политическая борьба за молодежь России . . .*, с. 6-51; П. С. Гусятников, *Революционное студенческое движение в России. 1899-1907* (Москва: Мысль, 1971), с. 118-37.

20. Там же, с. 127.

21. Отчет Объединенной социал-демократической организации студентов С.-Петербурга, *Третий съезд партии. Сборник документов и материалов* (Москва: Московский рабочий, 1983), с. 582.

22. П. С. Гусятников, Указ. соч., с. 131-32.

студентов, подвергнутых “избиениям полиции” 9 января и в последующие дни.²³ Поддержку “революционной фронды” со стороны Совета показывают и голосования по такому принципиальному вопросу, как возобновление чтения лекций в весеннем семестре 1905 г. (который постоянно откладывался Советом).²⁴ Тем самым Совет не столько “оберегал” студентов, сколько поощрял их к дальнейшим протестам. Примечательно, что одновременно с заседанием Университетского совета (4 февраля) состоялось заседание группы студентов-социал-демократов, которые наметили план организации общеуниверситетской сходки и дальнейших акций политического протеста.²⁵ Состоявшаяся в соответствии с этим планом сходка студентов 7 февраля приняла резолюции о политической забастовке в университете (заранее подготовленные социал-демократами), что вполне согласовывалось с позицией Профессорского совета.²⁶ В ходе этого мероприятия, кроме всего прочего, студенческая толпа в клочья разорвала портрет государя-императора,²⁷ а студентов, пытавшихся протестовать против забастовки, “чуть не побили”.²⁸ Примечательно, что почетным председателем сходки 7 февраля был избран приват-доцент (в недалеком будущем профессор) Е. В. Тарле; на сходке выступили приват-доценты

23. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 4 февраля 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 17-18. Надо отметить, что в сражениях на баррикадах 9 января действительно принял участие ряд студентов университета; примечательно, что некоторые из них впоследствии были среди основных организаторов революционного движения в университете и вошли в Совет студенческих старост (см.: *Ленинградский университет в воспоминаниях современников . . .*, т. 2, с. 188-89).

24. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 31 января 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 12; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 4 февраля 1905 г. . . ., с. 16-17; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 10 февраля 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 22-23; Журнал заседания Совета СПб. университета. 24 февраля 1905 г., там же, с. 26-31.

25. П. С. Гусятников, Указ. соч., с. 146-47.

26. Н. И. Павлицкая, “Петербургский университет в революции 1905-1907 гг.,” *Вестник ЛГУ*, № 11 (1948), с. 143.

27. И. И. Корель, “Воспоминания студенческого старосты”, в *Ленинградский университет в воспоминаниях современников . . .*, т. 2, с. 80-81.

28. Н. И. Рогозин, *Политическая борьба за молодежь России . . .*, с. 118.

бар. А. Ф. Мейендорф и М. Н. Сперанский.²⁹ В середине февраля 23 профессора Петербургского университета выступили с публичным заявлением о том, что “не сочувствуют забастовке против науки, но признают нравственно невозможными для себя занятия при нынешних обстоятельствах”.³⁰ Неудивительно, что в высших сферах всерьез обсуждались вопросы о лишении профессоров жалования и об иных репрессиях в отношении университета.³¹ Однако стремительно менявшаяся обстановка в стране вынуждала самодержавие ко все большим уступкам обществу и большей умеренности в своих “карательных” действиях.³²

Летом 1905 г. Министерство народного просвещения, не будучи в силах в сложившейся общественной обстановке контролировать высшую школу, выработало план введения ограниченной университетской автономии т. н. “Правила 27 августа 1905 г.”. Осенью 1905 г. на основании “Правил” либеральной профессурой был сформирован механизм управления университетом, в своей основе просуществовавший до 1918 г.: до общих заседаний Совета проходили собрания “левой группы” профессоров, заранее намечавшие все принципиальные решения (в том числе кадровые), в октябре 1905 г. была также официально создана “Советская комиссия”, которая принимала вместе с ректором решения о текущей жизни высшего учебного заведения и подготавливала решения Профессорского совета. Кроме деканов, входивших в комиссию по должности, в ее состав рейтинговым голосованием Совет избирал еще восьмерых членов, чем окончательно закреплялось господство “левой группы” в университете.

В то же время надо отметить, что Правила 27 августа 1905 г. не только не удовлетворили притязаний либеральной профессуры, но и были обоснованно восприняты ее как свидетельство слабости и растерянности правительства, которое необходимо использовать

---

29. А. Д[ьяконов], *1905 и 1906 гг. в Петербургском университете. Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк)* (Санкт-Петербург: И. Балашов, 1907), с. 8.

30. Цит. по: А. Е. Иванов, “Университеты в России в 1905 г.”, *ИЗ [Исторические записки]*, т. 88 (1971), с. 118.

31. Р. Ш. Ганелин, “Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения)”, в *Очерки по истории Ленинградского университета* (Ленинград: Издательство ЛГУ, 1989), т. 6, с. 121, 123.

32. Р. Ш. Ганелин полагает, что от репрессий университет спасло изменение обстановки в стране, связанное с изданием известного рескрипта 18 февраля 1905 г. министру внутренних дел А. Г. Булыгину о созыве народного представительства (там же, с. 119-28).

для того, чтобы добиться дальнейших уступок в вопросе университетской автономии.³³ В этих условиях студенческое движение в университетах рассматривалось как одна из форм давления на власть. Как отмечалось в литературе “высшие учебные заведения оказались осенью 1905 г. единственным местом в России, где под прикрытием автономии собирались революционные митинги и собрания”,³⁴ что в наибольшей степени справедливо именно для столичного университета. Чуть ли не первым решением (9 сентября) нового избранного ректора И. И. Боргмана было разрешение на подготовительную (для всех факультетов) сходку 12 сентября,³⁵ собравшую 2000 человек и определившую революционную повестку дня грандиозных сходок 13 и 15 сентября, которые проходят в университете с согласия Советской комиссии.³⁶ 18 сентября, действуя в русле предложений Советской комиссии, Профессорский совет официально открыл двери университета для политических сходок студенчества.³⁷ В условиях политической бури, проходившей в Петербурге в сентябре-октябре 1905 г., это решение способствовало превращению университетских аудиторий и в целом территории университета в арену не просто политической борьбы, но массовых манифестаций, столкновений между полицией и демонстрантами,³⁸ о чем свидетельствуют “отчеты” Советской комиссии и протоколы заседаний Совета.³⁹ Только за первый месяц, прошедший с момента их разрешения Советской комисси-

33. См., напр.: *Мемуары графа И. И. Толстого* (Москва: Индрик, 2002), с. 73-74.

34. В. П. Яковлев, “Петербургский университет в революции 1905-1907 гг.”, *Вестник ЛГУ*, № 2 (1980), История, языкознание, литература, вып. 2, с. 21.

35. См.: А. Д[ьяконов], Указ. соч., с. 18.

36. См., напр.: П. С. Гусятников, Указ. соч., с. 156-60.

37. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 18 сентября 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 93.

38. А. Д[ьяконов], Указ. соч., с. 17-72. См. также, напр., издание: *Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.*, отв. ред. Л. М. Иванов (Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1955), ч. 1; П. С. Гусятников, Указ. соч., с. 169-79; А. С. Трайнин, “Деятельность большевистской партии по организации и воспитанию в период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции в России (1903-февраль 1917),” *Ученые записки СГПИ* (Ставрополь), т. 22 (1965), с. 174-88 и др.

39. См.: Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 октября 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 97-107; Журнал заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1905 г., там же, с. 109-11; Журнал заседания Совета СПб. университета. 10 октября 1905 г., там же, с. 122-24, 130-31.

ей, в университете происходит 15 революционных сходов с участием тысяч “посторонних лиц”, прежде всего, рабочих.⁴⁰ Постепенно “митинги” стали переходить от слов к делу, т. е. от призыва к вооруженному восстанию к фактической раздаче оружия и созданию т. н. дружин самообороны.⁴¹ Однако это не помешало Совету университета решительно воспротивиться его закрытию по инициативе правительства,⁴² так же как раньше он противился его открытию. Более того, в текст заявления, принятого по этому поводу, Совет отказался внести указание “на отрицательное отношение Совета к митингам в помещениях Университета как нецелесообразным и отрицательным явлениям”.⁴³ Возможно, что на членов Совета, принявших такое решение большинством голосов, оказала влияние и недвусмысленно выраженная и носившая вполне однозначный характер позиция “младших преподавателей”, представители которых, допущенные в Совет для обсуждения вопроса о закрытии университета, заявили, что его следует оставить открытым именно “в виду громадного воспитательного значения его в настоящем освободительном движении”.⁴⁴ Это полностью соответствовало резолюциям студенческих сходов, в которых университет рассматривался как центр “политической пропаганды и организации митингов, служащих подготовкой для революции”.⁴⁵ Решения сходов, в свою очередь, почти буквально повторяли текст сентябрьской прокламации ЦК РСДРП, призывавшей использовать университетские аудитории для революционной пропаганды,⁴⁶ и отвечали постановлениям проходившего в начале сентября в Вы-

40. Н. И. Павлицкая, Указ. соч., с. 146.

41. Н. И. Рогозин, *Политическая борьба за молодежь России . . .*, с. 27. В конце 1905 г. в Петербургском университете начала действовать группа “Вооруженное восстание” во главе с членом РСДРП(б) студентом К. С. Жарковецким ([В. П. Булдаков и др.] *Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои* [Москва: Мысль, 1981], с. 58).

42. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 14 октября 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 130-38; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 15 октября 1905 г., там же, с. 139-44.

43. Там же, с. 142.

44. Там же, с. 141.

45. Цит. по: И. И. Корель, Указ. соч., с. 82.

46. См.: Н. И. Рогозин, *Политическая борьба за молодежь России . . .*, с. 26, 118. Ср.: А. Д[ьяконов], Указ. соч., с. 17; М. М. Эссен, “В 1905 году. Из жизни Петербургского комитета РСДРП,” в *На баррикадах. Воспоминания участников революции 1905-1907 гг. в Петербурге*, сост. Т. П. Бондаревская, Н. И. Приймак; науч. ред. Л. М. Спирин (Ленинград: Лениздат, 1984), с. 133.

борге IV Всероссийского студенческого съезда, также подготовленным большевиками.⁴⁷ Петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов обоснованно указывал в письме министру народного просвещения (12 октября), что столичный университет является аренной “дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей”.⁴⁸ Нельзя не отметить, что большинство в т. н. “Совете старост”, с которым активно сотрудничал Совет университета, составляли социал-демократы (среди которых, в свою очередь, преобладали большевики).⁴⁹ Примечательно, что от сотрудничества с “органом революционного студенчества” Профессорский совет не останавливало даже то формальное обстоятельство, что он очень часто представлял лишь “активное меньшинство” студентов (многие студенты по тем или иным причинам в его выборах не участвовали).⁵⁰ Следует иметь в виду, что, несмотря на то, что социал-демократы доминировали в университетском движении по всей стране,⁵¹ в Петербурге (в отличие, например, от Москвы) в студенческой среде на конец 1905 г. еще не сложилось какой-либо значимой “либеральной” оппозиции их “диктатуре” в системе студенческого самоуправления.⁵² Возможно в этом кроется одна из причин того, что столичная профессура более терпимо, чем, например, мо-

---

47. В. М. Кручковская, “Политические настроения российского студенчества: 1905-1917 гг.,” с. 101. Ср.: А. С. Трайнин, *Под знаменем революции. Коммунистическая партия – руководитель революционного юношеского движения, организатор комсомола* (Москва: Молодая гвардия, 1975), с. 95; Т. П. Бондаревская, *Петербургский комитет РСДРП в революции 1905-1907 гг.* (Ленинград: Лениздат, 1975), с. 121.

48. Цит. по: *Ленинградский университет в воспоминаниях современников . . .*, т. 2, с. 190.

49. См., напр.: Г. А. Энгель, “1905 г. и студенческое движение в Петербурге,” там же, т. 2, с. 79; Т. П. Бондаревская, “Большевистская организация университета в революции 1905-1907 гг.,” в *Петербургский университет и революционное движение в России . . .*, с. 67-80.

50. В выборах т. н. Совета студенческих старост традиционно принимало участие меньше половины студентов (см.: *Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц СПб университета* (Санкт-Петербург: Издательство Л.Ф.Ж. и П.Ф.Ж., 1908), с. 10.

51. А. Е. Иванов, *Высшая школа России в конце XIX – начале XX века . . .*, с. 310-14.

52. Т. П. Бондаревская, “Большевистская организация университета в революции 1905-1907 гг.,” с. 78-79, В. П. Яковлев, “Петербургский университет в революции 1905-1907 гг.,” с. 23; А. Д[ьяконов], Указ. соч., с. 101; Kassow, *Students, Professors and the State in Tsarist Russia*, p. 109; Morrissey, *Heralds of Revolution*, p. 109.

сковская относилась к манифестациям в стенах университета.⁵³ Напомним, что в связи с студенческими политическими акциями московская профессорская корпорация даже решилась на короткое время закрыть университет по собственному почину в последней декаде сентября 1905 г.,⁵⁴ а затем, и полностью прекратить занятия, посчитав осенний семестр несостоявшимся.⁵⁵ В литературе вслед за студентами-большевиками (участниками событий)⁵⁶ своеобразную толерантность петербургских университетских властей по отношению к революционным выступлениям в стенах университета принято объяснять “молчаливым соглашением”, существовавшим между петербургской профессурой и революционным студенчеством, суть которого заключалась в невмешательстве в политику друг друга.⁵⁷ Однако смысл этого соглашения, как кажется, заключался для столичных профессоров не только в этом, но и в том, что они вполне осознанно использовали студенческий радикализм ради достижения собственных политических и неразрывно связанных с ними корпоративных целей (получение автономии). В тот же день, когда Совет отказался закрыть университет (15 октября), после доклада ректора министр В. Н. Глазов заявил, что “раз Совет университета не находит мер к предотвращению собраний посторонних лиц в помещениях Университета и не прекращает занятий на некоторое время, Университет должен быть закрыт по распоряжению Министра”,⁵⁸ о чем и последовало немедленное распоряжение попечителю Петербургского учебного округа

53. Ср.: Morrissey, *Heralds of Revolution*, pp. 134-36. См.: Журнал заседания Совета Московского университета. 9 сентября 1905 г., ЦИАМ, ф. 418, оп. 249, д. 95, л. 232; Журнал заседания Совета Московского университета. 19 сентября 1905 г., там же, л. 239-40 об., 249-54; Журнал заседания Совета Московского университета. 27 сентября 1905 г., там же, л. 272 об.-273 и т.п.

54. Журнал заседания Совета Московского университета. 19 сентября 1905 г. . . . , л. 249-54.

55. Журнал заседания Совета Московского университета. 7 ноября 1905 г., ЦИАМ, ф. 418, оп. 249, д. 95, л. 335; От Совета Московского университета, там же, л. 341-41 об. Ср.: Kassow, *Students, Professors and the State in Tsarist Russia*, p. 266.

56. См.: В. С. Войтинский, *Годы побед и поражений* (Берлин: З. И. Гржебин, 1923), кн. 1: *1905-ый год*, с. 51.

57. См.: А. Е. Иванов, “Университеты в России . . . ,” с. 134.

58. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г., *Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. . . .*, с. 146-47.

П. П. Извольскому.⁵⁹ 16 октября И. И. Боргман получил соответствующее предписание П. П. Извольского и распорядился закрыть университет, примечательно, что ректор не озаботился одновременно закрытием студенческой столовой (одно из главных мест сходов),⁶⁰ “наивно” мотивируя это тем, что “в вышеприведенной бумаге о закрытии университета о закрытии столовой не упоминалось”, а также заботой о том, чтобы студенты получали пищу, что “было особенно важно в виду сильного вздорожания пищевых продуктов”.⁶¹

Однако вскоре политика университетских властей по отношению к МНП и студенчеству меняется. Примечательно, что переломной точкой стал не столько Манифест 17 октября, сколько обсуждение проекта нового университетского устава, которое началось по инициативе нового “либерального” министра народного просвещения графа И. И. Толстого в ноябре 1905 г. Кроме обещания либерального устава⁶² профессура получает поддержку МНП по всем важнейшим вопросам: переходе от курсовой системы к предметной; фактической отмене процентной нормы, вопросе о приеме в университет женщин, который в годы революции был, так же как и “еврейский вопрос”, решен явочным порядком – принятием в университет вольнослушательниц с фактическими правами студенток.⁶³ Можно отметить, что в этот период (до июня 1907 г.) Университетский совет пытается использовать МНП и его директивы для борьбы со студенческим самоуправлением, которое

59. Приложения к журналу заседания Совета СПб. Университета 17 октября 1905 г., там же, с. 149-50.

60. Университетская столовая в годы революции превратилось в настоящий центр революционного движения в столице (см.: А. Д[ьяконов], *Указ. соч.*, с. 18). Превращению столовой в революционный политический клуб, несомненно, способствовали и Правила ее работы, по существу, открывавшие ее двери всем желающим, которые были утверждены Правлением университета (см.: *Мемуары графа И. И. Толстого . . .*, с. 82-83). В защищенной университетской автономией “столовой” многократно устраивали свои встречи лидеры революционного движения, в том числе В. И. Ленин (Н. Г. Сладкевич, “В. И. Ленин и Петербургский университет,” *Петербургский университет и революционное движение в России . . .*, с. 18).

61. Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г. . . . , с. 147.

62. См. об этом, напр.: Б. В. Ананьич, *И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции* (Санкт-Петербург: Лики России, 2007), с. 65.

63. См., напр.: Г. А. Тишкин, “Студентки университета и слушательницы Бестужевских курсов в 1905-1907 гг.,” в *Петербургский университет и революционное движение в России . . .*, с. 81-92.

вызывало беспокойство официальных университетских властей не столько радикальным характером тех политических сил, которые его контролировали, сколько притязаниями на контроль над важнейшими сферами жизни университета (прием студентов, распределение стипендий и т. п.).⁶⁴

Тактика игнорирования

Третьеиюньский переворот 1907 г. поставил Совет университета в новое сложное положение, связанное с началом политической реакции. В июле-августе 1907 г. министр народного просвещения П. М. фон Кауфман и подчиненные ему попечители учебных округов издали ряд “охранительных” циркуляров, связанных со стремлением оградить университеты от политически неблагонадежных лиц, женщин и евреев.⁶⁵ Примечательно, что, получив эти циркуляры, Профессорский совет формально никак на них не реагировал, однако вступил в полемику с министерством по вопросам практической политики – о размере “комплекта” принимаемых в университет студентов и вольнослушателей⁶⁶ (именно от комплекта зависело и число принимаемых евреев помимо процентной нормы), о ключевой проблеме выбора студенческих старост,⁶⁷ содержании студенческой столовой,⁶⁸ профессорского дисциплинарного

64. См. подробнее: Е. А. Ростовцев, “Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу,” с. 149-51; Он же, “Университет столичного города (1905-1917),” в *Университет и город в России (начало XX века)*, под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева (Москва: Новое литературное обозрение, 2009), с. 280-83.

65. Министр народного просвещения – Ректору СПб. Унт-та. 1 августа 1907 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г.* (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1908), № 63, с. 194-95, 201-02; Попечитель СПб. Уч. Округа – господам начальникам высших, средних и частных высших учебных заведений. 14 февраля 1907. № 2010, там же, с. 198-99.

66. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 23 августа 1907 г., там же, с. 185-90; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1907 г., Там же, с. 212-19; Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 сентября 1907 г., там же, с. 221-27 и др.

67. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г., там же, с. 239-40; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 декабря 1907 г., там же, с. 319-24; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1907 г., там же, с. 336-37 и др.

68. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 21 мая 1907 г., там же, с. 156-57; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1907 г. . . . , с. 337; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 марта 1908 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета*

суда⁶⁹ и т. п. По всем вопросам Совет отстаивал свою фактическую автономию от администрации и – хотя в конечном итоге *формального* результата в юридическом смысле ему достигнуть не удается, – позиционируя себя в качестве равноправного партнера в диалоге с министерством, по существу, затягивал или *фактически игнорировал* выполнение его указаний. Так, в октябре 1907 г. Профессорский совет почти без изменений принял выработанное студенческой сходкой “Положение о выборах факультетских старост”.⁷⁰ Между тем, в ноябре 1907 г. Совет факультетских старост организовал ряд революционных студенческих сходок, не стесняясь объявить об этом в печати.⁷¹ Например, сходка 22 ноября была приурочена к началу суда над социал-демократами – членами Государственной Думы второго состава – и некоторые ее участники были арестованы полицией. После чего ректор уже открыто разрешил по просьбе “центрального университетского органа” очередную сходку студентов явно политического характера, для “обсуждения вопросов об участии арестованных товарищей”.⁷² Администрация университета, таким образом, как бы показывала министерству, что вполне может вернуться к практике использования студенческого движения в борьбе за автономию.

Такое отношение столичной профессуры к правительственным постановлениям и циркулярам вызывало нарастающее раздражение в МНП, однако предпринимать какие-либо резкие или репрессивные меры против университетов министерство П. М. фон Кауфмана не решалось – министр, напротив, “защищал” препода-

---

за 1908 г. (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1909), № 64, с. 30-31 и др.

69. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г. . . . , с. 241; Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 декабря 1907 г. . . . , с. 324-26; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1907 г. . . . , с. 332-34 и др.

70. Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1907 г. . . . , с. 239-40. См. также: Положение о выборах факультетских старост, утвержденное Советом С.-Петербургского университета 8-го Октября 1907 г., *Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга* [ЦГИА СПб], ф. 14 [Петербургский университет], оп. 1, д. 10194, л. 8) и возмущенное письмо министра П. М. фон Кауфмана по этому поводу (Министр народного просвещения – ректору С.-Петербургского университета. 7 ноября 1907 г. № 25474, там же, л. 65-66 об.).

71. См., напр.: “В учебных заведениях. В университете,” *Россия*, № 613, 22 ноября 1907 г., с. 3.

72. См.: “В учебных заведениях”, *Новое время*, № 11344, 11 (24) ноября 1907 г., с. 3.

вательское сообщество от нападков в кабинете П. А. Столыпина со стороны правых. Вообще, своей двусмысленной политикой, выразившейся в попытке, с одной стороны, вести постоянный диалог с профессорскими коллегиями, и, с другой стороны, в нормативном порядке ограничивать университетское самоуправление, министр привел возглавляемое им ведомство к явному тупику.⁷³ Между тем, давление на министра со стороны консервативных сил в правительстве и “правых” в обществе усиливалось⁷⁴ – решающее значение получило письмо от 14 декабря 1907 г., составленное товарищем председателя Союза Русского Народа В. М. Пуришкевичем от имени 45 правых членов Государственной Думы, к министру с требованием разъяснить, какие меры он принял в отношении советов профессоров Петербургского и Юрьевского университетов, решения которых, по мнению авторов запроса, нарушали закон.⁷⁵ 1 января 1908 г. П. М. фон Кауфмана на посту министра народного просвещения сменил А. Н. Шварц, в “правление” которого противостояние министерства со столичным университетом, равно как и с рядом других высших учебных заведений империи, вышло на новый уровень.⁷⁶ Новый министр, который, в отличие от предшественника, сам являлся бывшим университетским профессором, не побоялся вступить в открытую конфронтацию с профессорскими коллегиями; последние тоже изменили отношение к министерству, постепенно переходя к нему в открытую оппозицию.

Одним из первых действий нового министра стало издание, в более категорической форме, запрета на деятельность факультетских старост (14 февраля 1907 г.).⁷⁷ Однако Профессорский совет, как это уже бывало и раньше, министерское распоряжение проигнорировал – студенческое представительство и революционные “факультетские старосты”, а также их Совет в столичном универ-

73. См.: В. Г. Савельева, “Положение совета министров 11 июня 1907 г.,” в *Вспомогательные исторические дисциплины* [ВИД] (Ленинград), т. 6 (1974), с. 293-94.

74. См., напр.: И. И. Толстой, *Дневник. 1906-1916* (Санкт-Петербург: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1997), с. 173-74.

75. Председателю Государственной Думы – 45 членов Государственной Думы. 11 декабря 1907 г., ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 98-103.

76. См., напр.: В. П. Яковлев, “Самодержавие и российские университеты . . .,” с. 43-47.

77. См.: Попечитель С.-Петербургского учебного округа – Ректору С.-Петербургского университета. 21 февраля 1908 г. №3503, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 132-33. См. также: Управляющий С.-Петербургским учебным округом – Ректору С.-Петербургского университета. 18 апреля 1908 г. №7110, там же, л. 152.

ситете, как и в ряде других высших учебных заведений страны, продолжает существовать с ведома учебного начальства, о чем с возмущением рассказывает министерский циркуляр, изданный в июле 1908 г.⁷⁸ Для характеристики отношения Профессорского совета к указаниям министерства весьма показательным восприятием этим коллегиальным органом инструкции для проректора университета, утвержденной министром народного просвещения Шварцем 5 февраля 1908 г., – инструкцию принять к исполнению только с учетом заявления проректора, профессора Ф. А. Брауна. Это заявление толковало инструкцию в смысле, резко ограничивающем заложенные в ней функции проректора, “надзорные” в отношении студентов, которые Ф. А. Браун посчитал “несовместимыми с достоинством профессора” и представляющими “серьезную опасность для академической жизни”.⁷⁹ Очевидно, что перед лицом нарастающего давления со стороны министерства происходит процесс консолидации университетской корпорации, весьма явно проявившийся на очередных выборах ректора университета, проходивших в мае 1908 г. Совет в своем подавляющем большинстве сплотился вокруг ректора И. И. Боргмана, который был на этих выборах единственным кандидатом (ни один из его конкурентов не получил необходимых 10 голосов для выдвижения) и был избран 40 голосами против 9.⁸⁰

Каникулярное время лета 1908 г. МНП использовало для подготовки и начала наступления на автономию российских университетов сразу по нескольким направлениям: ограничение приема в университет (в сравнение с установленным Профессорским советом),⁸¹ ограничение прав выпускников университетов,⁸² ужесточе-

78. Министр народного просвещения – Попечителю С.-Петербургского учебного округа. 14 июля 1908 г. № 17084, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 154-154 об.; О студенческом представительстве, *Журнал министерства народного просвещения* [ЖМНП], № 9-10 (1908), Правительственные распоряжения, с. 81-82.

79. Протокол заседания Совета СПб. университета. 5 мая 1908 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.* . . . , с. 75-77.

80. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 10 мая 1908 г., там же, с. 116-19.

81. Министр Народного Просвещения – Управляющему Учебным округом. 10 августа 1908 г. № 19254 [Приложение 2 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], там же, с. 137.

82. Министр Народного Просвещения – Управляющему Учебным округом. 14 июля 1908 г. № 17085 [Приложение 3 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], там же, с. 138; Об условиях определения на

ние правил допуска студентов в университет,⁸³ запрет приема в университет женщин,⁸⁴ требование безусловного соблюдения процентной нормы для вольнослушателей (не только студентов) иудейского вероисповедания,⁸⁵ ограничение права руководства университетов на разрешение студенческих собраний и установление прямого контроля министерства над уставами студенческих организаций.⁸⁶ В августе 1908 г. МНП начало официальное расследование по вопросу незаконного приема лиц женского пола в Петербургский университет,⁸⁷ в ходе которого ректор и деканы вынуждены были давать официальные объяснения.⁸⁸ В связи с невозможностью выполнять свои обязанности в таких условиях 28 августа подал в отставку проректор университета Ф. А. Браун.⁸⁹ Все эти события вынудили Профессорский совет в заседании 3 сентября 1908 г. выступить с единодушным заявлением с резкой критикой министерских решений. В заявлении Совета было отмечено, что в создавшихся условиях он “не может нести ответствен-

учительские места лиц, окончивших курс университетов, *ЖМНП*, № 9-10 (1908), Правительство распоряжения, с. 82.

83. Попечитель СПб. Учебного округа – Ректору СПб. Университета 10 июля 1908 г. № 13360 [Приложение 4 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 139-40; Об условиях приема в студенты и вольнослушатели университетов и других высших учебных заведений, *ЖМНП*, № 9-10 (1908), Правительство распоряжения, с. 104-06.

84. Министр – Ректору СПб. Университета 16 мая 1908 г. №12179 [Приложение 6 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 141-44.

85. О приеме евреев в высшие учебные заведения, *ЖМНП*, № 11-12 (1908), Правительство распоряжения, с. 26.

86. Попечитель СПб. Учебного округа – и. о. Ректора СПб. Университета 25 июля 1908 г. №14141 [Приложение 5 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 140-41; Попечитель СПб. Учебного округа – и. о. Ректора СПб. Университета 26 мая 1908 г. № 9698 [Приложение 5 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г.], там же, с. 163-64.

87. Министр Народного Просвещения – Управляющему Учебным округом. 14 июля 1908 г. № 17085 [Приложение 3 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], там же, с. 144.

88. [Приложения 8-12 к Протоколу заседания Совета СПб. университета. 28 августа 1908 г.], там же, с. 145-55.

89. Проректор университета В. А. Браун – в Совет С.-Петербургского университета. 26 августа 1908 г., ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 156-57 об.

ности за неправильный ход учебной жизни”.⁹⁰ В том же заседании И. И. Боргман передал исполнение своих обязанностей декану физико-математического факультета В. М. Шимкевичу, мотивировав это решение состоянием здоровья и предупредив Совет, что в случае его утверждения министерством на новый срок согласно состоявшемуся в мае избранию “,” он все равно подаст прошение об увольнении, поскольку “при изменившихся условиях университетской жизни” он “не в силах больше исполнять обязанности ректора”.⁹¹

Заявление Совета 3 сентября “развязало” руки студенческим лидерам. Советская комиссия разрешила проведение студенческих сходок 13 и 15 сентября 1908 г., при этом сходки оказались организованы таким образом, что принципиальное решение об организации забастовки против министерских постановлений принималось 13 сентября, а решение о сроках забастовки 15 сентября. Таким образом, Совет университета, собиравшийся 14 сентября, получил в свое распоряжение текст единодушного протеста студентов против министерских циркуляров, составленного в кадетско-либеральном духе, после чего выступил в роли “примирителя” правительства со студентами, призвав последних забастовку не начинать.⁹² На санкционированной Советской комиссией сходке 15 сентября призыв Совета был “услышан”, и забастовку было решено временно отложить. По-видимому, в этой ситуации на позитивное влияние профессорской корпорации на студентов рассчитывала и власть (по крайней мере, в это время с опозданием на две недели следует утверждение И. И. Боргмана в ректорской должности), однако дальнейшее развитие событий Профессорский совет выпустил из под контроля. Радикальные партии активизировали свою пропаганду в пользу немедленной забастовки, что в планы руководства университета никак не входило, и намеченную на 20 сентября очередную студенческую сходку по вопросу о забастовке Советская комиссия просто решила запретить. Однако к этому моменту, студенческая масса находилась уже в таком состоянии, что никакого профессорского разрешения студентам не потребова-

90. Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 сентября 1908 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 161.

91. Там же, с. 161-62.

92. От Совета Императорского С.-Петербургского университета, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 27; Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 сентября 1908 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 167-71.

лось, сходка состоялась вопреки постановлению Советской комиссии, и в соответствии с решением этой сходки началась студенческая забастовка. В таких условиях экстренно созданный Совет университета был вынужден приостановить в университете “чтение лекций и все занятия”.⁹³ На решение Совета последовала немедленная (22 сентября) реакция министра А. Н. Шварца, предписывающего университет открыть,⁹⁴ на что Совет, собравшийся 23 сентября, ответил министру, что он “усматривает крайние неудобства” в исполнении этого предписания, и университет не открыл.⁹⁵ После такого ответа министр вынес вопрос о возобновлении занятий на заседание Совета министров Империи, состоявшимся 24 сентября 1908 г. под председательством П. А. Столыпина. Совет министров возложил ответственность за положение в Петербургском и других университетах империи на “профессоров, которые, хотя убеждали студентов не прекращать занятий, но одновременно тем или другим способом доводили до сведения студентов, что борьбу за автономию они берут на себя, каковое заявление не могло конечно, не действовать на студентов возбуждающим образом”.⁹⁶ Совет министров еще раз подтвердил циркуляры МНП, постановил открыть Петербургский университет и другие высшие заведения, а профессорским советам предписал обеспечить порядок, в случае необходимости обязав их обращаться за помощью к гражданским властям.⁹⁷ Профессорский совет, собравшийся на очередное экстренное заседание 25 сентября 1908 г., вынужден

93. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 20 сентября 1908 г., там же, с. 173-82; Исп. Обязанности ректора – Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 21 сентября 1908 г. № 1142, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 3-3 об.

94. Министр – Управляющему СПб учебным округом. 22 сентября 1908 г. № 24474 [Приложение к протоколу заседания Совета Императорского СПб. университета. 23 сентября 1908 г.], *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 205.

95. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1908 г., там же, с. 203; Исп. Обязанности ректора – министру народного просвещения №1151, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 44-44 об.; Исп. Обязанности ректора – Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 23 сентября 1908 г. № 1152, там же, л. 40-41 об.

96. [Приложение 2 к протоколу экстренного заседания Совета СПб. университета. 23 сентября 1908 г.] Выписка из правительственного вестника от 25 сентября 1908 г. №10, *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 216.

97. [Приложение 2 к протоколу экстренного заседания Совета СПб. университета. 23 сентября 1908 г.] . . . , с. 219; *Правительственный Вестник*, 25 сентября (8 октября) 1908 г., № 210. с. 1.

был подчиниться правительственному решению, постановив открыть университет 27 сентября, однако при этом отверг идею какого-либо нового “примиряющего” воззвания к студентам.⁹⁸ Неделю университет функционировал в режиме забастовки и бойкота лекций студентами;⁹⁹ дело дошло до прямых столкновений между студентами-забастовщиками и студентами, желающими слушать лекции, после чего 2 октября Совет университета вновь вынес решение о приостановлении занятий – на этот раз уже вопреки прямому указанию Совета министров.¹⁰⁰ Противостояние университетской корпорации с правительством вошло, таким образом, в кульминационную стадию. 4 октября в правительственном офисе “Россия” появился новый министерский проект университетского устава, сильно ограничивающий автономию высших учебных заведений (в частности, введивший замещение профессорских кафедр по назначению, а не по выборам)¹⁰¹ – появление этого проекта (прохождение которого через Государственную Думу было маловероятно) являлось очевидным предостережением петербургской профессуре.

3 октября 1908 г. В. М. Шимкевич как исполняющий обязанности ректора “имел аудиенцию” у П. А. Столыпина, на которой давал председателю правительства объяснения относительно политики Совета. Судя по протоколу заседания Университетского совета, беседа П. А. Столыпина с В. М. Шимкевичем (в изложении последнего) носила весьма напряженный характер – П. А. Столыпин недвусмысленно дал понять, что Совет министров не смирится с закрытием университета и не остановится перед полицейским вмешательством. В то же время П. А. Столыпин намекнул на возможность правительственных уступок в вопросе о студенческих организациях и в вопросе продолжения образования теми вольнослушательницами, которые уже поступили в универси-

98. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 25 сентября 1908 г. . . . , с. 206-13.

99. Показания профессоров о забастовке подробно излагаются в протоколах Совета: Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 30 сентября 1908 г.; *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г.* . . . , с. 220-29; Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 октября 1908 г., там же, с. 230-40.

100. Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 октября 1908 г. . . . , с. 240; Исп. Обязанности ректора – Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 2 октября 1908 г. № 1193, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 57.

101. В. П. Яковлев, “Самодержавие и российские университеты . . .”, с. 46.

тет.¹⁰² Кажется неслучайным, что в тот же день (3 октября) кадетская часть коалиционного студенческого комитета, не согласная с продолжением забастовки вышла из него.¹⁰³ Общение с премьером побудило В. М. Шимкевича собрать на следующий день, 4 октября, срочное заседание Совета, на котором по предложению декана юридического факультета профессора Д. Д. Гримма было принято обращение Совета к студентам с просьбой о прекращении забастовки. Текст обращения, составленный вполне в патетическом стиле, связывал с отказом студентов “от насилия” само существование университетской автономии.¹⁰⁴ Совет поспешил выступить с этим заявлением до официального опубликования постановления Совета министров о возобновлении занятий в Петербургском университете, принятого в тот же день.¹⁰⁵ Новое обращение к студентам Совета изменило соотношение сил в студенческой массе. “Кадетская точка зрения” победила – забастовку было решено прекратить,¹⁰⁶ и с 6 октября согласно распоряжению министра народного просвещения¹⁰⁷ в университете возобновились занятия.¹⁰⁸

На первом заседании Профессорского совета, состоявшемся после пролетевшей “бури”, И. И. Боргман по единодушной просьбе коллег дезавуировал свое заявление об отказе от ректорской должности и вновь взял в свои руки бразды правления университетом.¹⁰⁹ Единственной кадровой потерей, которую пришлось поне-

102. Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 октября 1908 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 245-47.

103. В. Г. Савельева, В. П. Яковлев, “Студенческая забастовка 1908 г. . . .”, с. 32.

104. Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 октября 1908 г. . . . , с. 248-49. См. также: От Совета Императорского С.-Петербургского университета, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 64.

105. [Приложение 1 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1908 г.] Выписка из правительственного вестника от 5 октября 1908 г. № 217, *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 260-62; *Правительственный Вестник*, 5(18) октября 1908 г., № 217, с. 1.

106. 7 октября большинством голосов на очередной сходке студенты высказались за официальное прекращение забастовки (там же, с. 32).

107. Министр народного просвещения – Попечителю С.-Петербургского учебного округа. 5 октября 1908 г. № 25988, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10194, л. 65-65 об.

108. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 октября 1908 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. . . .*, с. 251.

109. Там же, с. 250-59.

сти администрации университета, был профессор Ф. А. Браун, который в разгар противостояния с министерством подал в отставку, однако на его место “либеральной партией” был выдвинут профессор Э. Д. Гримм, еще перед выборами выступивший с заявлением (аналогичным сделанному два года назад Ф. А. Брауном), в котором предупредил Совет о своем понимании существующего законодательства относительно обязанностей проректора, после чего был избран на искомую должность подавляющим большинством голосов.¹¹⁰

Итак, в конце сентября-октябре 1908 г. правительство пошло на некоторые уступки как студенческому движению, так и университетской корпорации, намекнув на возможность восстановления упраздненного ранее института факультетских старост и разрешив “неправильно допущенным” в университет вольнослушательницам завершить свое обучение.¹¹¹ В то же время события сентября-октября 1908 г. послужили толчком к изданию Сенатского указа министру народного просвещения от 28 ноября 1908 г.¹¹² Согласно этому указу “Временные правила” 27 августа 1905 г. не ограничивали права и обязанности министра народного просвещения, определенные университетским уставом 1884 г. Издание такого указа свидетельствовало, что министерство не собирается останавливаться в своем наступлении на университетскую “автономию”. В 1908 г. происходят и первые случаи смещения избранных ректоров университета – по обвинениям в проступках, аналогичных предъявлявшимся руководству столичного университета от должности ректора Юрьевского университета увольняется профессор Е. В. Пассек, от должности ректора Новороссийского университе-

110. Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 ноября 1908 г., там же, с. 276-81.

111. См.: О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения, в качестве посторонних слушательниц, окончания слушания курса на одинаковых с посторонними слушателями условиях, *ЖМНП*, № 11-12 (1908), Правительственные распоряжения, с. 42.

112. Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г., *Право*, 7 декабря 1908, стлб. 2738-39. Официально содержание указа было доведено попечителем учебного округа А. Мусиным-Пушкиным до сведения университета в феврале 1909 г., см.: [Приложение 4 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1909 г.] Попечитель СПб. Учебного округа – ректору университета. № 2765, *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г.* (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1910), № 65, с. 56; [Приложение 5 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1909 г.] Министр народного просвещения – Попечителю СПб. Учебного округа, 31 января 1909 г. № 2312, там же, с. 56-60.

та проф. И. М. Занчевский.¹¹³ Как отмечали сами кадетские профессора, “расчеты” на забастовку были “колоссальной ошибкой”, после нее “положение Шварца можно считать еще более упроченным – следовательно, результат получился обратный”.¹¹⁴ Таким образом, политика откровенного *игнорирования* распоряжений МНП, сопровождавшаяся фактическим шантажом власти, к концу 1908 г. явно утратила свою эффективность.

Между “двух огней”

Новое “наступление” на университеты министр начал в феврале 1909 г. с требования передачи под контроль министерства т. н. “специальных средств” университета, т. е. дополнительно заработанных университетом средств, направляемых на оплату труда его сверхштатных сотрудников¹¹⁵; бюрократическая борьба за университетские финансы шла весь 1909 г. Согласно официальным документам новых открытых “политических” столкновений университета с министерством удавалось избежать вплоть до декабря 1909 г. Более того, руководство университета, желая найти общий язык с министерством в финансовых вопросах, предприняло ряд мер запрещающего и репрессивного характера против студенческого движения. Меры эти, будучи на деле формальными, делали и без того непростые отношения профессорской коллегии со студенчеством еще более напряженными.¹¹⁶ Однако, как показала практика, “оборонническая” позиция университета не только не помогла решению финансовых вопросов, но и не остановила но-

113. См. об этом, напр.: В. П. Яковлев, *Политика русского самодержавия в университетском вопросе. Автореф. Дисс. к.и.н.*, с. 14.

114. Н. А. Гредескул, “Доклад [на Совещании конституционно-демократической фракции III Государственной думы с представителями провинциальных групп],” *Съезды и конференции конституционно-демократической партии . . .*, т. 2: 1908-1914, с. 52.

115. [Приложение 3 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1909 г.] Министр народного просвещения – Попечителю СПб. Учебного округа, 11 февраля 1909 г. №3015, *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. . . .*, с. 53-55.

116. Речь идет о наложении запретов на созыв студенческих сходок в университете, систематически практиковавшийся Советской комиссией в 1909 г., что, однако, не мешало им иногда собираться (см., напр., информацию о сходках 3 октября и 7 ноября: Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 8 ноября 1909 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. . . .*, с. 132-35). Ср.: Н. И. Кареев, *Прожитое и пережитое* (Ленинград: Издательство ЛГУ, 1990), с. 244; Н. П. Анциферов, *Из дум о былом* (Москва: Феникс; Культурная инициатива, 1992), с. 179-80.

вые действия правительства, направленные на установление контроля над столичным университетом. Протоколы заседания Правления университета свидетельствуют, что контроль попечителя над расходом университетских средств приобрел к 1910 г. фактически тотальный характер.¹¹⁷

В декабре 1909 г. руководство университета в полной мере осознало, что находится между двух “огней” – студенчеством и министерством. МНП фактически открыто обвинило ректора и проректора в неисполнении своих обязанностей. Формальным поводом послужил съезд делегатов-вольнослушательниц всех университетов, проходивший, по утверждению министерства, в октябре в столичном университете – ректор и проректор при этом заявляли, что съезда не было. Другой претензией министерства был отказ ректора и проректора назвать конкретные фамилии студентов, принимавших участие в революционных сходках (которых, по мнению министерства, администрация университета не могла не знать). Как заявил вызванному 19 декабря 1909 г. в министерство И. И. Боргману товарищ министра Г. К. Ульянов, “если ректор не может принять мер для достижения такой осведомленности, [. . .] то может кто-нибудь другой будет в состоянии это выполнять”.¹¹⁸ Это замечание дало И. И. Боргману повод для отставки, заявление о которой он сделал 20 декабря. Принимая заявление ректора об отставке в заседании, состоявшемся уже в январе 1910 г., Совет университета констатировал, что министерство стесняет академические и нравственные начала университетской жизни, обнаруживает недоверие к органам университетского управления и затрудняет выполнение Советом возложенных на него законом обязанностей. Совет также подчеркнул абсолютную невыполнимость требований об “осведомленности” о студенческих делах в его министерском понимании.¹¹⁹ Одновременно с ректором в отставку подал и проректор Э. Д. Гримм – однако, когда министр заявил, что невозможно одновременно удовлетворить прошения об увольнении ректо-

117. См.: Журналы правления университета за 1910-15 гг., ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 13410-13422.

118. Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 января 1910 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.* (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1911), № 66, с. 4.

119. Там же, с. 11-12. Особенно резко относительно предложений об “осведомленности” выступил профессор В. А. Стеклов – его выступление даже не попало в печатные протоколы Совета. По его словам, ни один ученый просто “не имеет права взять на себя исполнение тех обязанностей”, которые на профессоров возлагало министерство (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 11357, л. 6).

ра и проректора, последний согласился остаться до избрания нового ректора, предупредив министра, что “никаких изменений” в “свой образ действий он вносить не будет”.¹²⁰

После принятия отставки И. И. Боргмана, в феврале 1910 г., исполнение его обязанностей перешло к В. А. Жуковскому как к старшему по службе декану (факультета восточных языков). И. И. Жуковский был, пожалуй, самым консервативным членом университетского правления. Однако и ему, по-видимому, не удалось в достаточной мере снизить накал “страстей” в Профессорском совете, которые бушевали на его февральских заседаниях 1910 г., когда проходило выдвижение кандидатур на должность ректора университета. Примечательно, что первое из них даже было признано не состоявшимся за недостатком кворума, поскольку было полностью проигнорировано “консервативной партией”.¹²¹ Но вскоре либерально-кадетское большинство мобилизовало ресурсы и организованно провело голосование (1 марта), на котором с большим отрывом победил Д. Д. Гримм (за его кандидатуру было подано 58 голосов, против 7).¹²² Столь впечатляющая поддержка Совета, несомненно, способствовала тому, что министерство утвердило (22 марта) этого явно оппозиционного власти кандидата¹²³ – а планы назначить лояльного власти ректора (говорили о профессоре С. П. фон Глазенапе)¹²⁴ пришлось отложить. Вплоть до мая университет возглавляли братья Гримм – один в должности ректора, другой в должности проректора. Эта “семейственность” была связана с тем, что процесс увольнения проректора затянулся из-за бюрократических проволочек. Однако в мае произошли перемены – проректором был избран близкий ректору профессор И. Д. Андреев, на освободившееся место декана юридического фа-

120. Протокол заседания Совета университета. 18 января 1910 г. . . . , с. 7. Впрочем, Э. Д. Гримм не совсем сдержал свое обещание – в последние недели своего проректорства, в отличие от предшествующего времени, он легко разрешал “частные собрания студентов” (на деле революционные); см., напр.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 февраля 1910 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. . . .*, с. 23.

121. См.: [Приложение 3 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 15 февраля 1910 г.] Журнал частного собрания членов Совета Императорского С.-Петербургского университета 1 февраля 1910 г., там же, с. 31-32.

122. Протокол заседания Совета СПб. университета. 1 марта 1910 г., там же, с. 67-68.

123. Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 апреля 1910 г., там же, с. 74.

124. См.: И. И. Толстой, *Указ. соч.*, с. 283.

культета был избран один из наиболее активных деятелей “либеральной партии” профессор И. А. Покровский.¹²⁵

Новая буря разразилась над российскими университетами после назначения на должность министра Л. А. Кассо, сменившего на этом посту А. Н. Шварца в сентябре 1910 г. Деятельность Л. А. Кассо всегда рисуется в литературе “черными” красками, причем эта историографическая традиция сформировалась еще в дореволюционные времена.¹²⁶ Между тем, начал свою деятельность новый министр с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах законопроекта нового университетского устава¹²⁷ и созыва “частного” собрания профессоров университетов, проходившее с 16 по 18 декабря 1910 г. и вновь обсуждавшего будущий проект устава.¹²⁸ В этой связи следует учитывать, что началом “новой бури” можно считать отнюдь не действия МНП, а сходку студенчества по случаю смерти известного кадетского деятеля, профессора С. А. Муромцева, официально разрешенную ректором и происшедшую в октябре 1910 г.¹²⁹ После похорон С. А. Муромцева, в которых участвовала целая “делегация” Петербургского университета, включавшая как профессоров, так и студентов, в ноябре 1910 г. вскоре появился повод для новых сходок и траурных демонстраций – 7 ноября 1910 г. – кончина графа Л. Н. Толстого. Эти демонстрации быстро приняли характер масштабных антиправительственных манифестаций, к которым профессорская корпорация оказалась совершенно не готова. Эта неготовность выразилась в смешанной реакции на эти акции как со стороны Университетского совета,¹³⁰ так и со стороны руководства кадетской пар-

125. Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 мая 1910 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. . . .*, с. 121-22.

126. См.: *Кризис высшей школы . . .*; В. И. Вернадский, *1911 год в истории русской умственной культуры* ([Санкт-Петербург]: Санкт-Петербургское товарищество печатного и издательского дела “Труд,” [1912]); Г. А. Кожевников, *Проклятый вопрос (к современному положению университета)* (Москва: Типография “Печатное дело” Ф. Я. Бурче, [1911]), и др.

127. А. Н. Ропп, *Что сделала Третья Государственная Дума для народного образования* (Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1912), с. 200.

128. Ю. С. Воробьева, *Указ. соч.*, с. 35. Ср.: И. И. Толстой, *Указ. соч.*, с. 347-48.

129. См.: В. Г. Савельева, В. П. Яковлев, “Студенческая забастовка 1911 г. . . .,” с. 15.

130. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 ноября 1910 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. . . .*, с. 135-38; Протокол заседания Совета СПб. университета. 17

тии.¹³¹ Безусловно в такой позиции лидеров кадетов видно и стремление не потерять из своих рядов профессоров, уставших от бесконечных студенческих «бойкотов» и забастовок, тем более что боровшиеся с кадетами за влияние на профессию октябристы активно пропагандировали идею о том, что «высшие учебные заведения не должны быть ни местом, ни орудием политической борьбы, а призваны служить исключительно делу духовного развития и высшего научного образования молодежи»,¹³² одновременно отстаивая при этом идею о неприкосновенности университетской автономии и осуждая политику Л. А. Кассо.¹³³

“Ответом” Л. А. Кассо (и стоявшего за многими его действиями П. А. Столыпина¹³⁴) на антиправительственные акции в высшей школе стала подготовка ряда репрессивных документов правительства и МНП, изданных в конце 1910-начале 1911 г.¹³⁵ Смысл

января 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.* (СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1913), № 67, с. 4-7.

131. С одной стороны, было принято воззвание 37 членов Государственной Думы (частью членов кадетской партии), опубликованное в “Речи” (11 ноября 1910), где предполагаемая студенческая демонстрация объявлялась “вредной” и “нежелательной”. После же того как демонстрация состоялась, она была охарактеризована позитивно, причем в той же “Речи” в передовице, составленной П. Н. Милюковым (12 ноября 1910). В результате студенческая группа к.-д. в университете оказалась дезориентированной относительно того, какую позицию ей следует занимать по отношению к забастовкам. (См.: *Протоколы совещания думской фракции конституционно-демократической партии с провинциальными членами партии 8-9 мая 1911 г., Съезды и конференции конституционно-демократической партии . . .*, т. 2: 1908-1914, с. 304-07).

132. Декларация ЦК от 11 февраля 1911 г., *Партия “Союз 17 октября”. Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК, 1905–1915.* В 2-х тт. (Москва: РОССПЭН, 2000), т. 2, с. 318.

133. См.: Ю. С. Воробьева, *Указ. соч.*, с. 37-38.

134. О воздействии П. А. Столыпина на политику Л. А. Кассо см., напр.: В. Г. Савельева, В. П. Яковлев, “Студенческая забастовка 1911 г. . . .”, с. 15-16.

135. О надзоре за учащимися высших учебных заведений, *ЖМНП*, № 3-4 (1911), *Правительственные распоряжения*, с. 38-40; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений, там же, с. 41-43; О максимальном сроке пребывания студентов Императорских университетов на факультетах, там же, с. 43-44; Об установлении действительного контроля за посещением лекций и практических занятий, студентами, пользующимися стипендиями, *ЖМНП*, № 5-6 (1911), *Правительственные распоряжения*, с. 41; [О сроках пребывания в университете], там же, с. 55; Об условиях допущения евреев к экзаменам в качестве экстернов, там же, с. 55-56; [О свидетельствах о благонадежности], там же, с. 56-57; Об урегулировании поряд-

их заключался, прежде всего, в возложении на руководство университетов и профессорские коллегии “всей тяжести ответственности” (согласно постановлению Совета министров от 11 января 1911 г.)¹³⁶ за возможные беспорядки в высшей школе и в запрете всех студенческих собраний (исключая собрания научного и учебного характера) в высшей школе. Как и следовало ожидать, меры, предпринятые Л. А. Кассо, крайне негативно были оценены преподавательским сообществом высшей школы, в том числе и в профессорской среде Петербургского университета. Реагируя на правительственные циркуляры, ректор Д. Д. Гримм в своем заявлении, сделанном в заседании Профессорского совета 17 января 1911 г., подчеркнул, что “нормальный ход учебной жизни не может быть построен на полицейских мерах”, что требовать принятия их от Совета нельзя, что сами эти меры свидетельствуют о недоверии к Совету и его органам. Своим постановлением Совет единогласно выразил полную солидарность с заявлением ректора и просил его довести это заявление как мнение всего Совета до сведения министра Л. А. Кассо.¹³⁷

Репрессивная политика Л. А. Кассо имела отрицательный результат и привела к активизации в его среде студенчества политического экстремизма, в том числе деятельности большевиков.¹³⁸ Однако нельзя не признать, что в определенной степени способствовать собственно началу студенческих беспорядков, проходивших с 20-х чисел января 1911 г., могло и упомянутое заявление Совета университета (аналогичные заявления делались и советами других высших учебных заведений), конечно, студентам известное. Вдохновленный этими профессорскими заявлениями 23 января 1911 г. Петербургский городской студенческий коалиционный комитет принял решение о забастовке под вполне либеральными лозунгами: “Долой политический произвол! Требуем неприкосно-

---

ка прохождения университетского курса и производства испытаний полукурсовых и окончательных в испытательных комиссиях, там же, с. 57-58 и др.

136. О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний . . . , с. 43.

137. Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. . . . , с. 15-17.

138. См., напр.: Н. И. Рогозин, *Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910-февраль 1917 г.)* Автореф. дисс. к.и.н. (Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973), с. 11-14; Н. Я. Олесич, Указ. соч., с. 189-202.

венности личности, свободы слова, союзов, собраний! . . . Требуем автономии высшей школы!”¹³⁹

Поскольку, по мнению министерства, профессорские советы со своей задачей поддержания порядка не справились (и, более того, как видно на примере Петербургского университета, отказались брать ее выполнение на себя), а незаконные сходки в высших учебных заведениях продолжались, на территорию университетов были введены полицейские силы (без согласования с университетскими администрациями) и произведены массовые аресты студентов, принявших участие в забастовках.¹⁴⁰ Эти репрессии провоцировали новые протесты и демонстрации, которые, в свою очередь, порождали новые репрессии. Как известно, в Московском университете возмущение профессоров этим положением переросло в масштабный конфликт с МНП, в ходе которого ушли из университета порядка 130 сотрудников.¹⁴¹ Однако столичной профессуре, не связанной так тесно как москвичи с руководством кадетской партии, было проще занять более взвешенную позицию – вместо прямого разрыва с правительством Профессорский совет, сплотившийся вокруг ректора, выбрал иную тактику – пассивное сопротивление давлению министерства. Накануне неизбежного ввода в университет полиции Советская комиссия сперва попыталась закрыть университет,¹⁴² причем, согласно протоколу Совета, составленному не без скрытого злорадства, министр “узнал о закрытии университета из газет” и “недовольным тоном заявил Ректору, что он не ожидал подобной меры, . . . и что он пришлет предложение об открытии университета”.¹⁴³ Тем не менее, в итоге Профессорский совет получил передышку на три дня, в ходе которой смог за-

139. Цит. по: З. С. Круглова, “Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение”, *Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. История СССР*, вып. 8, т. СXXXV (1964), с. 35.

140. См.: В. П. Яковлев, “Самодержавие и российские университеты . . .”, с. 47-48.

141. См., напр.: В. Г. Савельева, В. П. Яковлев, “Студенческая забастовка 1911 г. . . .”, с. 17-18; *Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г.*, [Савельев А. Я., Момот А. И., Хотеев В. Ф. и др.], под ред. В. Г. Кинелева (Москва: НИИ высшего образования, 1995), с. 116.

142. Ректор подписал решение об этом вечером 27 января (см.: Ректор – Попечителю С.-Петербургского учебного округа, 27 января 1911 г., ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10475, л. 22).

143. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . .*, с. 39-40. См.: Попечитель – ректору С.-Петербургского университета, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10475, л. 23-23 об.

ранее сформулировать свою позицию – ее смысл заключался в том, что “придется переломить себя и сделать попытку читать лекции, несмотря на присутствие в университете полиции”, одновременно “стремясь по долгу совести смягчать меры” правительства, с которыми университет не согласен.¹⁴⁴ Одновременно Профессорский совет решил продолжить переговоры как на министерском уровне, так и на уровне Совета министров¹⁴⁵ и принял обращение к студентам прекратить забастовку во имя “вечных и непреложных интересов науки”, предупредив учащихся, что в противном случае “неотразимым станет вмешательство посторонней для университета власти, на действия которой Совет никакого влияния оказать не может”.¹⁴⁶ На частных совещаниях профессоров (т. н. “левой”) рассматривался вопрос о необходимости выступления в связи с отставкой администрации Московского университета, однако, узнав, что отставка не только принята, но “отставленные” отстранены также и от должности профессоров, “левая” решила воздержаться от выражения официального протеста.¹⁴⁷ Таким образом, “переломившие себя” профессора и приват-доценты явились читать лекции 31 января в университет, здание которого с утра уже было занято полицией. Это “преломление” действительно требовало определенного мужества, поскольку Коалиционный студенческий комитет, недовольный решением профессоров, поспешил заклеить их как “трусов и лицемеров”.¹⁴⁸

Присутствие полиции не помешало студентам устраивать “обструкцию” – всего в этот день было арестовано 410 человек;¹⁴⁹ ситуация не изменилась и на следующий день – 1 февраля.¹⁵⁰ В прокадетской газете “Русские ведомости” яркими красками описывалась ситуация, сложившаяся в университете: “Присутствие боль-

144. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. . . . , с. 42; Постановление Совета Императорского С.-Петербургского университета, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10475, л. 74.

145. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 29 января 1911 г. . . . , с. 44.

146. Там же, с. 43.

147. В. Р. Лейкина-Свирская, “Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо,” *Вестник ЛГУ*, № 4 (1947), с. 152.

148. Цит. по: З. С. Круглова, “Студенческая забастовка 1911 г. . . . ,” с. 36. Ср.: И. И. Толстой, Указ. соч., с. 352-53.

149. Протокол заседания Совета СПб. университета. 31 января 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . . ,* с. 49

150. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г., там же, с. 58-63.

шого количества полицейских со штыками и винтовками вдоль длинных коридоров университета, профессора с группой студентов, конвоируемые вооруженными городскими на лекции, свист, крики и пение революционных песен, пары удушливого газа, распространяющихся в коридорах и аудиториях”.¹⁵¹ Естественно, что многие профессора такой обстановки не выдерживали – с Н. Я. Марром случился истерический припадок,¹⁵² А. А. Жижиленко упал в глубокий обморок,¹⁵³ а ректор Д. Д. Гримм просто заплакал и не смог читать лекцию.¹⁵⁴ Попечитель граф А. А. Мусин-Пушкин в отчаянии предложил уволить из университета всех студентов.¹⁵⁵

Тем временем, тактика профессоров, посылавших в министерство одну “депутацию” за другой с протестом против присутствия в университете полиции, начала приносить плоды – Л. А. Кассо согласился удалить полицию “из главного коридора, с тем, чтобы ей были предоставлены некоторые помещения в главном здании университета”,¹⁵⁶ что и было сделано 3 февраля после согласования этого решения с министерством внутренних дел.¹⁵⁷ Делегаты Профессорского совета непрерывно “внушали” правительственным чиновникам, что прекратить забастовку может только сам Совет. 4 февраля Д. Д. Гримм в качестве члена Государственного совета имел частную беседу с председателем правительства П. А. Столыпиным, в которой настаивал, чтобы полиция без соглашения с ним не вводилась в университетский коридор¹⁵⁸ и в дальнейшем это правило соблюдалось. Таким образом, создалась ситуация, когда полицейские силы и профессора действительно в полном смысле слова сотрудничали хотя и поневоле – в условиях полицейских репрессий кадеты провели среди студентов решение о ли-

---

151. Цит. по: В. Р. Лейкина-Свирская, “Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо,” с. 152.

152. Там же.

153. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 1 февраля 1911 г. . . . , с. 59.

154. Там же, с. 59-60.

155. Там же, с. 60.

156. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 2 февраля 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . .*, с. 65.

157. Протокол экстренного заседания Совета СПб. университета. 7 февраля 1911 г., там же, с. 70.

158. Там же, с. 75.

квидации забастовки.¹⁵⁹ В результате обструкции пошли на убыль, параллельно уменьшалось и количество полицейских в университете, при этом ректор многократно возбуждал вопрос о выводе полиции из университета, добившись своего к началу мая.¹⁶⁰ Однако опыт такого “сотрудничества” несколько не примирил министерство Л. А. Кассо с Петербургским университетом – скорее с уверенностью можно утверждать обратное – МНП и Университетский совет окончательно стали непримиримыми врагами. Более того, после “разгрома” московской профессорской коллегии столичный университет объективно оказался во главе “университетской фронды” во всероссийском масштабе. В то же время обе стороны, кажется, вполне осознали бесперспективность любого силового противостояния и избрали иную тактику – борьбы на “юридическом фронте”.

Борьба на “юридическом фронте”

В результате “мероприятий”, проведенных полицией, из Петербургского университета оказалось исключено 520 человек,¹⁶¹ некоторые из которых, как показало расследование, в действительности были невиновны в беспорядках (или доказать их вину было невозможно). Пользуясь этим обстоятельством, с самого момента исключения университетский совет в массовом порядке подает ходатайства о восстановлении уволенных студентов.¹⁶² Л. А. Кассо чувствовал, что Совет столичного университета “переигрывает”

159. В. Г. Савельева, В. П. Яковлев, “Студенческая забастовка 1911 г. . . . .” с. 18.

160. Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . . .*, с. 104-05.

161. В. П. Яковлев, “Самодержавие и российские университеты . . . . .” с. 48. См. также: *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г.*, под ред. заслуженного проф. И. А. Ивановского (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1911), с. 71; *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г.*, под ред. экстраординарного проф. Н. А. Булгакова (СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1912), с. 39.

162. Протокол заседания Совета СПб. университета. 14 марта 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . . .*, с. 90; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 мая 1911 г. . . . ., с. 107-08. Как установила полиция, для 76% исключенных студентов (т. е. 276 человек из 348 подавших к маю 1911 г. прошения об обратном приеме) “не встречается препятствий” к восстановлению. См.: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . . .*, с. 146.

его на бюрократическом поле и в ответ на просьбу профессоров в резкой форме заявил, что “Совет, совершенно, по-видимому, не интересуясь необходимой выработкой действительных мер для установления надзора за учащимися и предупреждения беспорядков, в то же время озабочен лишь скорейшим дозволением студенческих сходок и возвращением в университет лиц, уволенных за беспорядки”,¹⁶³ и восстанавливать уволенных студентов категорически отказался.¹⁶⁴ Кроме всего прочего, эта мера означала сильнейший удар по бюджету высшего учебного заведения. Особенно неприемлемо для университетской корпорации позиция министерства выглядела в сочетании с его требованиями о сокращении предельного срока обучения в университете, сокращении периода отсрочки от воинской повинности и об ограничении принципа “предметной системы” обязательностью получения ряда зачетов по ходу прохождения курса (для зачета текущих полугодий), что также вело к значительному сокращению количества студентов и финансирования университета, в том числе “содержания личного состава” (“основной удар” приняли приват-доценты, но пострадали и члены Совета – “внештатные профессора”).¹⁶⁵ Естественно,

163. Министр народного просвещения – попечителю СПб. Учебного округа. 27 июня 1911 г. № 20932 [Приложение 1 к протоколу заседания Совета СПб. Университета 12 сентября 1911 г.], там же, с. 152-53.

164. Ср.: И. И. Толстой, Указ. соч., с. 370.

165. По примерным подсчетам в результате политики министерства, направленной на ограничение числа студентов, и исключения по политическим мотивам объем “сбора за слушание лекций” сократился с 1909 по 1912 г. на 70 тыс. рублей (с 399 тыс. до 329 тыс.), т. е. почти на 20%, а число студентов и слушателей сократилось за тот же период на 1500 человек – с 8955 до 7455. При этом общее сокращение расходов “на содержание личного состава” из “специальных средств” составило порядка 90 тыс. рублей (примерно с 240 до 150 тыс.), что связано с установленным контролем министерства за “специальными средствами” и ростом ассигнований на хозяйственную часть (См.: *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год*, под ред. и.д. ординарного проф. А. И. Введенского (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1910), с. 44-46, 300; *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. . . .*, с. 71-74, 338; *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . .*, с. 39-44, 245; *Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.*, под ред. ординарного проф. Ф. И. Щербатского (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1913), с. 41-45, 182-83; *Протокол заседания Совета Санкт-Петербург: Университета. 30 января 1912 г., Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.* (Санкт-Петербург: Типография Б. М. Вольфа, 1914), № 68, с. 5-42.

что в этой ситуации Совет максимально использовал как бюрократические и правовые, так общественные возможности для дискредитации министра и продолжал с ним публично полемизировать.¹⁶⁶

В начале осени 1911 г. министр наносит университету еще несколько бюрократических “уколов”. Прежде всего, он удовлетворяет с опозданием поданные в разгар кризиса прошения об отставке сначала проректора И. Д. Андреева (26 августа),¹⁶⁷ а затем и ректора Д. Д. Гримма (12 сентября).¹⁶⁸ В итоге “левой” пришлось вернуться к своим старым административным кадрам. 26 октября 1911 г. на должность ректора был избран профессор Э. Д. Гримм,¹⁶⁹ успевший с мая 1910 г. “отдохнуть” от административных обязанностей, а проректором 7 ноября был избран его товарищ по факультету С. А. Жебелев.¹⁷⁰ Решение Университетского совета, в очередной раз назначившего на руководящие посты членов кадетской партии (при этом ректором представителя фамилии Гримм), вряд ли могло порадовать Л. А. Кассо. Однако не утвердить решение Профессорского совета министр не решился, несмотря на то, что сразу после выборов Э. Д. Гримма в университете беспрепятственно прошли очередные революционные сходки.¹⁷¹

Причина этого утверждения, по-видимому, заключалась в том, что министр понимал – с этим составом Университетского совета бесполезно ждать избрания ректором благоприятной для правительства кандидатуры. Поэтому Л. А. Кассо пытается исподволь поменять соотношение сил в Совете путем перевода в Петербургский университет консервативных профессоров из провинциальных высших учебных заведений и “перевода” (что означало на практике увольнение) петербургских либералов в провинцию.¹⁷² Примером такой политики стали переводы в ноябре 1911 г. на должность профессора финансового права из Харьковского универси-

166. См. ответ университетского Совета на отказ Л. А. Кассо восстановить отчисленных студентов: Протокол заседания Совета СПб. Университета. 12 сентября 1911 г. . . . , с. 145-47.

167. Там же, с. 140.

168. Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . .*, с. 160.

169. Там же, с. 211-12.

170. Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . .*, с. 214.

171. См.: там же, с. 219-20.

172. Ср.: И. И. Толстой, Указ. соч., с. 416.

тета Н. П. Мигулина,¹⁷³ а в декабре на кафедру гражданского права (бывшая кафедра профессора М. Я. Пергамента, “переведенного” в сентябре в Харьковский университет) – В. А. Удинцева из университета св. Владимира в Киеве.¹⁷⁴ Однако эти назначенные профессора сразу же подверглись бойкоту и обструкциям со стороны студентов, и большая часть занятий профессоров-назначенцев в весеннем полугодье 1911/1912 гг. оказалась попросту сорванной.¹⁷⁵ Администрация университета формально предпринимала усилия для успокоения студентов (например, ректор публично призывал студентов к спокойствию),¹⁷⁶ но в то же время в начале марта профессорский дисциплинарный суд, избранный по списку “левой группы”,¹⁷⁷ признал студентов, задержанных полицией по обвинению в организации обструкции названным профессорам, невиновными.¹⁷⁸ При этом назначенные профессора сознательно ставились ректором в условия, когда им сначала запрещалось читать лекции только для записанных студентов (что создавало условия для обструкции),¹⁷⁹ а затем предписывалось читать лекции в специальной аудитории вне университета (в здании коллегии Александра II) под охраной полиции, что делало их положение в

¹⁷³. Протокол заседания Совета СПб. университета. 22 ноября 1911 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. . . .*, с. 224.

¹⁷⁴. Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 января 1912 г. . . . , с. 9.

¹⁷⁵. Там же, с. 9-10; Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 марта 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. . . .*, с. 50–51. О бойкоте назначенных Л. А. Кассо профессоров в российских университетах см., напр.: З. С. Круглова, *Студенческое движение в годы нового революционного подъема. 1910-1914, Автореф. дисс. к.и.н.* (Москва: Московский Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1965), с. 17-18. См. также: Переписка о студенческих сходках и о лекциях профессоров университета, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 25, д. 46, л. 10-10 об.

¹⁷⁶. См.: Переписка о студенческих сходках . . . ; И. И. Толстой, *Указ. соч.*, с. 398.

¹⁷⁷. В это время членами “профессорского суда” были профессора В. В. Бартольд, Л. А. Чугаев, Л. И. Петражицкий, В. Н. Бенешевич, председательствовал в суде профессор А. Е. Фаворский (см.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. . . . , с. 216).

¹⁷⁸. Протокол заседания Профессорского дисциплинарного суда Императорского С.-Петербургского университета. 1912. Марта 3 дня, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 25, д. 47, л. 6-7 об.; Протокол заседания Совета СПб. университета. 12 марта 1912 г. . . . , с. 52.

¹⁷⁹. См. переписку ректора с профессором В. А. Удинцевым в феврале 1912 г. (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 25, д. 46, л. 7-8).

университете унизительным.¹⁸⁰ В мае 1912 г. в университете состоялась еще одна студенческая сходка, на которой была принята очередная резолюция (предложенная социал-демократами, кадеты голосовавшие “против” были “вынуждены” подчиняться большинству), которая предлагала студенчеству протестовать против “назначенных” профессоров “пассивной забастовкой”.¹⁸¹ Министерство, между тем, продолжало систематический разгром юридического факультета – в июле 1912 г. из университета был “переведен” в Харьков профессор римского права И. А. Покровский, который, как и М. Я. Пергамент, от этого назначения отказался. Примечательно, что, по словам ректора Э. Д. Гримма, в беседе с ним товарищ министра барон М. А. Таубе и не пытался скрывать, что “перевод” И. А. Покровского был связан “отчасти” с “недовольством, вызванным постоянной оппозицией, будто бы проявляемой Советом С.-Петербургского Университета по отношению к мероприятиям Министерства народного просвещения”.¹⁸² Одновременно Л. А. Кассо отказался утвердить в должности профессоров избранных Юридическим факультетом и поддержанных университетским Советом Ф. В. Тарановского, В. М. Гордона и М. И. Тутган-Барановского, назначив вместо них профессорами одесситов (из Новороссийского университета) В. М. Грибовского и С. П. Никонова.¹⁸³ Однако в сентябре 1912 г. студенты устроили обструкцию и им. Интересно, что С. П. Никонов, по существу, обвинил в организации этой обструкции ректора, который якобы привел с собой в аудиторию на его лекцию “массу шумевших студентов”, на что Э. Д. Гримм решительно возражал, заявляя в свидетели “провожавшего” его до “аудитории” профессора Ф. А. Брауна.¹⁸⁴

Надо сказать, что эта история с профессором С. П. Никоновым и его “подозрениями” заставила правительство искать новые “методы” борьбы с “мятежным” университетом. Во всяком случае, со

180. См. переписку ректора с профессором В. М. Грибовским (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 25, д. 46, л. 9-12).

181. См.: З. С. Круглова, “Из истории студенческого движения в России . . .”, с. 187.

182. Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 сентября 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. . . .*, с. 119-21.

183. Там же, с. 119-20, 127.

184. Протокол заседания Совета СПб. университета. 24 сентября 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. . . .*, с. 131. См также: Ректор – Попечителю учебного округа. 17 сентября 1912 г. Секретно № 447, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 25, д. 46, л. 54-55.

ссылкой именно на этот казус в сентябре 1912 г. Департамент полиции рассылает циркуляр начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений в университетских городах о приобретении агентуры среди студентов для достижения “полной осведомленности о профессорах, студентах и посторонних лицах, занимающихся преступной агитацией и подстрекательством к беспорядкам в учебных заведениях”.¹⁸⁵ В результате в департамент полиции начинают поступать любопытные донесения о поведении профессорской корпорации по отношению к назначенным коллегам. Например, в одном из донесений сообщается, что профессор С. К. Булич (кадет) в одной из своих лекций “удивился” тому, что студенты устроили обструкцию профессору П. П. Мигулину, заявив: “Вот завтра будет читать Удинцев, и я слышал, что ему будет устроена обструкция, это я еще понимаю – он убежденный правый”.¹⁸⁶ На следующий день лекция профессора В. А. Удинцева действительно оказалась сорванной.

Следующая серия министерских назначений на юридический факультет последовала по окончании осеннего семестра 1912/1913 гг. В конце декабря 1912 г. на должность профессора полицейского права из Новороссийского университета был переведен И. И. Чистяков, а на должность профессора уголовного права Н. Н. Розин из Томского университета, при этом фактически был отстранен от преподавания за выслугой лет профессор уголовного права Н. Я. Фойницкий.¹⁸⁷ Следующим шагом МНП стало замещение вакантной (после “перевода” И. А. Покровского) кафедры римского права – в мае 1913 г. на эту должность назначен профессор Юрьевского университета фон В. Ф. Фон Зелер.¹⁸⁸ В июне 1913 г. на должность профессора государственного права назначается киевский профессор А. А. Жилин.¹⁸⁹ 2 августа того же года Л. А. Кассо наносит, пожалуй, самый болезненный удар – в

185. Циркуляр Департамента полиции начальникам Губернских Жандармских управлений и Охранных отделений в университетских городах, 21 сентября 1912 г., ГАРФ, ф. 102, оп. 314, д. 44, л. 110.

186. Цит. по: З. С. Круглова, “Из истории студенческого движения в России...”, с. 187.

187. Протокол заседания Совета СПб. университета. 4 февраля 1913 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г.* (Петроград: Типография Б. М. Вольфа, 1915), № 69, с. 16-17.

188. Протокол заседания Совета СПб. университета. 20 мая 1913 г., там же, с. 144.

189. Протокол заседания Совета СПб. университета. 9 сентября 1913 г., там же, с. 158.

Харьковский университет на кафедру римского права “переводится” бывший ректор университета и родной брат действующего ректора Д. Д. Гримм.¹⁹⁰ Последним аккордом в операции по кадровой санации Юридического факультета стало министерское назначение в октябре 1913 г. новой администрации факультета (после вынужденной отставки избранного декана А. Х. Гольмстена и секретаря А. А. Жижиленко) из числа “переведенных” профессоров. Распоряжением министерства секретарем факультета был назначен профессор Н. Н. Розин, деканом – В. А. Удинцев.¹⁹¹ На наш взгляд, существует несколько причин для объяснения того, почему первоочередной мишенью для кадровой чистки Л. А. Кассо избрал именно юридический факультет.¹⁹² Во-первых, наряду с историко-филологическим факультетом юристы выступали в качестве основы университетской “левой”; во-вторых, “кадетская” пропаганда, раздающаяся с кафедры факультета, готовящего молодые кадры для государственного аппарата, общественно-политических и коммерческих институтов, выглядела особенно опасно; в-третьих, в области правоповедения у министерства была довольно широкая скамейка “консервативных профессоров” из провинциальных вузов. Однако, как кажется, основная причина министерской антипатии к юридическому факультету заключалась в другом – факультет выступал в качестве штатного консультанта университета как корпорации по правовым вопросам, в том числе и в отношениях с МНП. Именно члены юридического факультета (М. Я. Пергамент, Д. Д. Гримм, А. И. Покровский, И. И. Ивановский, В. Ф. Дерюжинский и др.) отвечали за составление разного рода записок, запросов, представлений, которые в годы “реакции” обличали власть, обвиняли ее в некомпетентности и, с другой стороны, придавали видимость законности мероприятиям университетской администрации и Профессорского совета. В качестве примера укажем на длившийся много месяцев конфликт между университетом и МНП по поводу прав и обязанностей приват-доцентов. В феврале 1912 г. Л. А. Кассо издал циркуляр, запрещающий преподавание параллельных профессорским приват-доцентских общих кур-

190. Там же, с. 153.

191. Протокол заседания Совета СПб. университета. 2 декабря 1913 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. . . .*, с. 176.

192. Ср.: В. Р. Лейкина-Свирская, “Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо,” с. 157-58.

сов¹⁹³ – его очевидной целью было недопущение бойкота факультетами и студентами профессоров-назначенцев, а также установления более эффективного министерского контроля над содержанием приват-доцентского преподавания. Совет университета в обсуждении этого дела, как обычно, воспользовался помощью юридического факультета. Комиссия, возглавляемая Д. Д. Гриммом, пришла к однозначному мнению о том, что министерское предложение нарушает закон.¹⁹⁴ На основании этого заключения Профессорский совет принял постановление, оспаривающее действия министра, которое было отправлено в Сенат (чуть ли не первый случай в российской истории, когда подведомственное учреждение оспаривало в судебном порядке решение главы ведомства).¹⁹⁵ В этой связи упомянутые выше кадровые решения по юридическому факультету, принятые Л. А. Кассо летом 1912 г., допустимо рассматривать и как своеобразную “мсть” факультету. В то же время в августе Л. А. Кассо утвердил без изменений “Обозрение преподавания” по Петербургскому университету, грубо нарушавшее упомянутый циркуляр, в том числе и по юридическому факультету, оговорив, что лишь некоторые параллельные приват-доцентские курсы не являются обязательными.¹⁹⁶ Однако и это решение министра, которое, казалось бы, делало еще шаг навстречу оппонентам, вызвало бурную реакцию на факультете, который в октябре 1912 г. принял постановление, где констатировалось, “что министерские циркуляры не только не согласованы с законом, но и не согласованы друг с другом, а противоречат одни другим” именно потому, что министр “все более приближается к той позиции, на которой все время стояли юридический факультет и Совет

193. [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 12 марта 1912 г.] Министр народного просвещения – Попечителю С.-Петербургского учебного округа. № 5490. 8 февраля 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. . . .*, с. 55-57.

194. [Приложение 2 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 12 марта 1912 г.] В Юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета, там же, с. 59-72.

195. [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 21 мая 1912 г.] Представление Ректора Императорского С.-Петербургского университета в Первый Департамент Правительствующего Сената [21 мая 1912 г.], там же, с. 89-103.

196. [Приложение 10 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 3 декабря 1912 г.] Министр народного просвещения – Попечителю С.-Петербургского учебного округа. № 32018. 19 августа 1912 г., там же, с. 166-67.

С.-Петербургского университета”. В связи с новым циркуляром министра факультет рекомендовал Университетскому совету начать новое судебное дело против министра уже на основании того, что новый министерский циркуляр противоречит предшествующему.¹⁹⁷ Нет сомнения, что это дело было бы возбуждено Советом университета в заседании 4 декабря (вопрос уже стоял в повестке дня), если бы накануне (1 декабря) Сенат не отклонил представление университета.¹⁹⁸

Таким образом, к концу 1912 г. университетская “левая” в определенной степени была ослаблена. В июне 1912 г. подал в отставку с поста проректора профессор С. А. Жебелев, продержавшийся на этой должности чуть более полугода¹⁹⁹; вместо него “левая” провела в проректоры профессора технической химии В. Е. Тищенко.²⁰⁰ Не менее важным было упразднение к началу 1912 г. явочным по требованию “консервативных” профессоров Советской комиссии, которая одновременно служила и “опорой” ректора и организационной структурой, контролирующей его действия со стороны либеральной профессуры.²⁰¹ В то же время в целом “левая” по-прежнему контролировала Профессорский совет и с точки зрения стратегии, и с точки зрения кадровой политики. Кадровые перестановки, сделанные на юридическом факультете, в целом на соотношение голосов в Совете не повлияли, поскольку и в годы “реакции” Совет пополнялся либеральными профессорами (например, такими, как византист В. Н. Бенешевич и синолог А. И. Иванов). Вообще, несмотря на некоторое снижение уровня формального противостояния между Советом и министерством,

197. [Приложение 12 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 3 декабря 1912 г.] . . . , с. 168-76.

198. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 3 декабря 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.* . . . , с. 154; [Приложение 1 к протоколу заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета 4 февраля 1913 г.] Товарищ министра народного просвещения – Попечителю С.Петербургского Учебного округа. № 49784. 12 декабря 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г.* . . . , с. 23; Указ Правительствующему Сенату, там же, с. 24-25.

199. Протокол заседания Совета СПб. университета. 15 сентября 1912 г. . . . , с. 123.

200. См.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 8 октября 1912 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.* . . . , с. 138-40.

201. Протокол заседания Совета СПб. университета. 7 ноября 1911 г. . . . , с. 215-16.

оно продолжалось и в 1913-1914 гг. Это, в частности, выразилось в ряде очередных публичных столкновений университетской корпорации с министерством (по поводу "перевода" Д. Д. Гримма,²⁰² по поводу празднования дня основания университета,²⁰³ избрания в почетные члены университета яростного оппонента существующего политического режима академика А. А. Маркова,²⁰⁴ приговоров профессорского дисциплинарного суда²⁰⁵ и др.). Кроме того, Университетский совет блокирует и некоторые "правые" инициативы назначенного руководства юридического факультета (например, создание кафедры финляндского права²⁰⁶). Естественно, что в связи с непрекращающимися "переводами" "оппозиционеров" в провинциальные вузы у членов университетской корпорации периодически возникает мысль об отставке, с которой, однако, профессорам удается успешно бороться.²⁰⁷

Как отмечалось выше, политика Л. А. Кассо не могла не привести к новой политической радикализации студенчества.²⁰⁸ Естественно, что студенческие сходки приобретают все более регулярный характер, собираясь по "любому" поводу (годовщина смерти Л. Н. Толстого, Ленский расстрел, смертный приговор морякам-революционерам в Севастополе, назначение министерством очередного профессора, столетие Т. Г. Шевченко, очередная годов-

202. Протокол заседания Совета СПб. университета. 9 сентября 1913 г. . . . . с. 153-55.

203. Протокол заседания Совета Петроградского университета. 2 декабря 1914 г., *Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г.* (Петроград: Типография Б. М. Вольфа, 1916), № 70, с. 168; Протокол заседания Совета СПб. университета. 19 мая 1914 г., там же, с. 46.

204. Там же, с. 50

205. См., напр., дело студента А. Нестерова (члена академической корпорации), подозреваемого в службе в охранном отделении (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10736, л. 6-7 об.) и исключенного профессорским Советом из университета за то, что он "нанес оскорбление действием" студенту Стаховскому, который якобы обвинил его в этом. Между тем, попечитель посчитал приговор суда слишком суровым и не утвердил его, тем самым косвенно подтвердив версию о соучастии Нестерова с охранным отделением.

206. Протокол заседания Совета СПб. Университета. 19 мая 1914 г. . . . . с. 36.

207. См., напр.: В. Р. Лейкина-Свирская, "Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо," с. 156-58.

208. См., напр.: И. П. Лейберов, "Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914-февраль 1917 г.)," в *Очерки по истории Ленинградского университета* (Ленинград: Издательство ЛГУ, 1968), т. 2. с. 8-9; А. Ф. Бережной, "Большевистская печать и студенчество университета," *Вестник ЛГУ*, № 2, Вып. 1 (1969), с. 32-35 и др.

щина Ленского расстрела и т. п.).²⁰⁹ Администрация университета в этой ситуации вроде бы противодействует сходкам и докладывает о них и попечителю, и полиции – но при этом не называется ни одного имени, не раскрывается содержание “революционных лозунгов”, а студенты предупреждаются администрацией о приходе полиции.²¹⁰ Советские исследователи склонны были рассматривать эти эпизоды как свидетельство борьбы “черносотенных” профессоров со студентами, хотя очевидно, что такая борьба скорее оберегала студентов от полиции. В условиях перманентных политических сходов и периодических бойкотов профессорам-назначенцам профессорский дисциплинарный суд либо вообще не рассматривает “политических” дел, либо закрывает их за “недостатком улик”. И, главное, – администрация университета постоянно “доносит” о студенческих сходках, однако ни разу не указывает имен участников, а если полиция переписывает их, то ректор уверяет, что “подавляющее большинство переписанных студентов очутилась в оцепленной полицией части коридора по соображениям, независимым от [...] сходки”.²¹¹ Л. А. Кассо в переписке с ректором не скрывает своего раздражения политикой администрации университета, направленной на укрывательство революционеров,²¹² упорно ходят слухи о предстоящем разгроме после юридического и другого “кадетского” факультета – историко-филологического.²¹³

Начало первой мировой войны поставило университетский Совет в новую общественную ситуацию, однако важно подчеркнуть, что патриотический подъем 1914 г. не привел к существенному снижению уровня противостояния университетской корпорации и министерства Л. А. Кассо,²¹⁴ Только в 1915 г. отношения между

209. См., напр.: З. С. Круглова, “Из истории студенческого движения в России . . .”, с. 182-206; И. П. Лейберов, Указ. соч., с. 10-11 и др.

210. См.: Ректор – Попечителю учебного округа, 14 марта 1914 г., ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10873, л. 4-4 об.

211. См., напр.: Ректор – Попечителю учебного округа, 5 ноября 1912 г. № 5250, ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 25, д. 46, л. 92 об.

212. Переписка о студенческих сходках . . . л. 53-53 об.; Попечитель учебного округа – Ректору университета. 6 ноября 1912 г. № 33638. л. 103-103 об.

213. И. И. Толстой, Указ. соч., с. 459.

214. См.: Е. А. Ростовцев, “Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны),” в *Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений “Мир и война: культурные контексты социальной агрессии” и Научной конференции “Мир и война: море и суша”*

МНП и российским профессорским сообществом меняются в положительную сторону – министром назначается граф П. Н. Игнатьев, который позиционировал себя как сторонник университетской автономии. Профессура столичного университета во главе с ректором Э. Д. Гриммом принимает деятельное участие в выработке проекта нового университетского устава. Активное сотрудничество с министерством, по-видимому, отчасти снижает в этот период оппозиционность университетской корпорации.²¹⁵

* * *

Борьбу за автономию высшей школы несомненно можно рассматривать и в общем контексте процесса эмансипации русского общества на рубеже XIX-начала XX в., в котором наряду с университетскими корпорациями принимали участие негосударственные образовательные институты и просветительские общества, профессиональное движение, благотворительные организации, земское и городское самоуправление, что отражало формирования гражданского общества в России. Другое дело, что как видно на примере университета, в определенной степени идея автономии общественных институтов от государства в российских условиях зачастую оборачивалась, прежде всего, фрондой по отношению к власти. Профессорская корпорация не только не была статистом в общественно-политической борьбе, разворачивавшейся в университетских стенах, но, и в значительной степени контролировала и направляла ее ход. Важнейшей задачей корпорации было достижение университетской автономии, которая виделась ей как необ-

---

(Санкт-Петербург – Кронштадт, 21–24 октября 2007 г.), отв. ред. И. О. Ермаченко (Москва; Санкт-Петербург: Институт всеобщей истории РАН, 2007), с. 191–94; Он же, “Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны”, в *Отечественная история*, под ред. А. Н. Кашеварова, С. Б. Ульяновой (Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2007), с. 72–117; E. Rostovcev, “The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914–1917,” *Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg*, hrsg. von T. Maurer (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006), s. 177–88.

215. См., напр.: Э. Д. Гримм, “Организация университетского преподавания по проекту нового устава,” *Русская мысль*, № 4 (1916), с. 109–22; № 5, с. 52–57; С. Ольденбург, “Граф Павел Николаевич Игнатьев – Министр Народного Просвещения,” *Школа и жизнь*, № 2, 11 января 1917, с. 1–4 (25–31). Ср.: А. Н. Дмитриев, “Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества . . .”, с. 236–55; A. Dmitriev, “State, Universities, and Higher Education in Russia...,” s. 149–52.

ходимый инструмент для реализации своих идеальных представлений об университете как “храме науки”, независимом от утилитарных интересов государства. Специфической чертой Петербургского университета, выделявшей его среди других российских университетских сообществ, было представление о преподавательском сообществе как едином целом, включавшем в себя как профессоров, так и приват-доцентов, что придавало ему особую сплоченность. В эпоху революции 1905-1907 гг. академической элитой был создан новый довольно устойчивый механизм принятия решений по основным вопросам университетской жизни, обеспечивавший фактическую автономию университета. Можно констатировать, что в т.н. годы “реакции” профессорской коллегии столичного университета в целом удалось отстоять те корпоративные завоевания, которые она получила в годы революции 1905-07 гг. Однако существовавшие противоречия между фактической и юридической, желаемой и данной автономией постоянно ставили университетскую элиту в положение оппозиции власти. При этом связь университетской корпорации как с кадетами, так и с “освободительным движением” в целом являлось важным, но неопределяющим фактором ее политики. Скорее, можно предположить, что именно неудовлетворенность корпоративных интересов повышала степень радикализма профессоров и укрепляла т.н. “левую группу”. Стратегия профессорской коллегии менялась в зависимости от вызовов, с которыми ей приходилось сталкиваться, препятствуя стремлениям МНП, последовательно преодолевавшему сопротивление оппозиционных университетских коллегий (Новороссийский, Юрьевский, Московский университеты), подчинить себе и столичный университет. Если в 1907-1908 гг. корпорация пыталась просто игнорировать распоряжения МНП, используя для борьбы с ним бюрократические инструменты, а затем и студенческое движение, то в дальнейшем она была вынуждена изменить тактику. Кризис 1911 г. показал, с одной стороны, уязвимость профессорской коллегии, оказавшейся между двух огней (“реакционной” властью и “революционным” студенчеством), а с другой стороны, ее способность с минимальными потерями лавировать между МНП и студенческой фрондой. После 1911 г. основной линией отстаивания автономии, избранной руководством университета, стала борьба с министерством на “юридическом фронте”. Можно сказать, что политика университетской элиты в целом была успешной, превращая университет в своеобразную “башню из слоновой кости” для корпорации, парадоксальным образом сочетающую в себе “храм науки” с “центром освободительного движения.

St. Petersburg State University